

ДОКТОР ПОПАДАНКА

АРИНА ЛЕФЛЁР

ДРАКОНЬЯ ФЕРМА
ДЛЯ ПОПАДАНКИ

Арина Лефлёр

Драконья ферма для попаданки

<https://litres.ru/74476674>

Аннотация

Успешный ветеринарный врач столичной клиники Рина Павлова попадает в другой мир и становится хозяйкой фермы с необычными обитателями – драконами. Природная дерзость и любовь к домашним животным помогают ей справиться с трудностями в новом магическом мире. Она уже не мечтала о семье и детях, но встреча с генералом драконьей эскадрильи пробуждает чувства и дарит надежду на личное счастье. Что выберет героиня? Вернуться в свой мир или остаться с любимым? Гадать не будем, просто напишем историю.

В книге есть: #неунывающая героиня_попаданка #властный герцог #прогрессорство и лечение #драконы и драконята #ХЭ обязательно #мир с магией Книга пишется в рамках литмоба "Доктор_попаданка"

За нежную обложку особая благодарность Наталье Кошке!

Содержание

Глава 1	4
Визуал 1	16
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	44
Глава 6	52
Глава 7	58
Глава 8	68
глава 9	76
Глава 10	84
Глава 11	93
Глава 12	101
Глава 13	109
Глава 14	115
Глава 15	124
Глава 16	132
Глава 17	138
Глава 18	146
Глава 19	154
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Глава 1

— Мама! Мамочка! Очнись, пожа-а-луйста! — звонкий детский голосок вырывает меня из забытья. Кто-то требовательно дергает за рукав. В голосе слышатся отчаяние и мольба.

В моей чумовой голове полное замешательство.

Что за чушь? Какая мама? Это меня? Какие дети? Откуда?

У меня нет никаких детей. Это какая-то ошибка!

Мысленно кричу на всю вселенную, а вслух не могу произнести ни слова. Не могу даже разомкнуть губы, будто их кто-то склеил скотчем. Рук и ног тоже не чувствую.

Паника в такие моменты не помогает, пытаюсь успокоить бешено стучащее сердце.

Ну, простите, в свои тридцать восемь я так и не родила, и даже не вышла замуж. Пока только мечтаю. Все свое время я посвящаю столичной клинике, где лечу элитных животных,

питомцев богатых клиентов.

У меня шикарные клиенты, прекрасная практика, приносящая неплохой годовой доход, квартира в одном из благоустроенных районов столицы. Кажется, все в шоколаде.

Я собираюсь выйти замуж за любимого мужчину...

Собиралась...

В мыслях поправляю себя. От воспоминаний в голове появляется пульсирующая боль. Зря я вспомнила об этом негодяе.

Только не сейчас. И никогда.

Я считала, что встретила того единственного, с кем хотелось бы засыпать и просыпаться в одной постели. Хотела родить детей. Построить дом. Завести собаку. Даже не одну собаку. Мы собирались построить за городом приют для бездомных животных, после того, конечно, как поженимся. Целых пять лет собирались.

А еще я уже желала наконец родить ребенка. Девочку или мальчика. А лучше и девочку и мальчика.

Ну и что, что бывший младше меня? Да и я не считаю себя старородящей!

А что? В наше время и постарше рожают, главное, чтобы здоровье позволяло и деньги на хорошую медицину были. У меня водилось в достатке и первое и второе, оставалось только сходить в загс...

Но, может, оно и к лучшему, что все открылось раньше, чем я подарила этому мерзотнику люксовый автомобиль. А

ведь чуть не купила...

Но, видимо, семейное счастье не моя судьба.

Еще чуть-чуть и я начну усыновлять брошенных котов и, как там говорят про перспективу старых девственников? Сорок кошек в обнимку? А, еще и сборник статей Шопенгауэра?

Читала я того Шопенгауэра!

— Мама, да очнись же скорее, — продолжают меня трясти за рукав рабочего халата. — Нас ждут.

Нет. Не ошиблась. Это все-таки меня называют мамой.

Кап... Кап... Кап...

А это еще что такое?

Чувствую на своем лице горячие капли. Сердце сжимается от боли, в уголках сомкнутых глаз появляется влага.

Нет, нет, это не мои слезы. Знаю точно. Я давно разучилась плакать.

Хочу открыть глаза и увидеть, кто льет надо мной слезы.

Я медленно с трудом приоткрываю один глаз, потом второй.

Ура, получилось!

Пытаюсь сосредоточиться на окружающем мире.

Первое, что я вижу — это свет; он резкий и слепящий, заставляет меня морщиться. Постепенно очертания начинают обретать форму, и я замечаю перед собой мальчика. Его невысокая худенькая фигурка склонилась надо мной, а глаза полны тревоги.

— Мамочка, ты очнулась? — спрашивает он, хватаясь за

мой рукав с такой силой, будто боится, что я исчезну. — Не пугай меня! Всё будет хорошо, правда?

Огромные глазищи цвета свежей зелени в обрамлении пушистых длинных ресниц смотрят на меня пытливо и требуют ответа. Таким ресницам любая девчонка позавидует.

Да что там? И я бы от таких настоящих не отказалась. С нарощенными сплошные коррекции, устала уже постоянно спать на спине.

Густая каштановая шевелюра мальчика окружена солнечным светом, кажется, что над его головой сияет нимб.

Я пытаюсь понять, что все это значит, говорить по-прежнему не могу.

Мычать? Простите, я хоть и ветеринарный врач, но все же человек.

Что происходит? Мальчик, ты чей?

Я умерла, и передо мной ангел?

Мое сердце бьется чаще, смешанные чувства накрывают, словно волна.

Почему... как я здесь оказалась?

Отмечаю на ребенке странную для нашего времени одежду. На нем белая батистовая рубашка с необычными пуговицами и галстучком-бабочкой. Под серым пиджаком шерстяной жилет. Так одевались лет двести назад, а может и триста.

Куда я попала?

Паника снова пытается схватить меня за шею когтистыми лапами.

Ну, нет! Меня так просто не возьмешь!

Дышу шумно через нос. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Руки и ноги по-прежнему обездвижены.

— Ты лежишь, как будто в обмороке! Мне страшно, — бормочет мальчишка, его голос дрожит.

Кажется, что я где-то уже видела этого мальчика. Он мне знаком, но откуда? И почему он зовёт меня мамой?

Мы с ним словно в пустой тишине, только он и я. А еще запах, мальчик пахнет свежескошенной луговой травой.

Ах, какой аромат!

Пытаюсь все же хоть что-то произнести. С трудом, но губы начинают двигаться.

— Кто ты? — едва шевеля губами, произношу я.

В моем голосе звучит растерянность. Я не узнаю свой голос. Слишком он тихий.

Мальчик, кажется, расстраивается от моего вопроса. Он с обидой отстраняется и протягивает ко мне руку.

— Ринальдина, ты же не забыла? Я Эделин. Ты обещала мне, что никогда не бросишь меня!

Эделин?! Ринальдина?! Я?!

— Какая она тебе мама? — Раздается за спиной Эделина обиженный девичий голос. — Ты что, совсем ку-ку?

Оу, вот она правда, значит, я еще не умерла и не сошла с ума. И мальчик не мой сын.

Но отчего-то в моей душе, оставляя незримый след, словно по стеклу, стекает капелька разочарования.

Рядом с Эделином появляется девушка. Красивая. Очень похожа на мальчишку, глаза такие же с яркой зеленью, только волосы длинные, шелковистые, и платье старинное, с рукавом фонарик. Я такое когда-то у опереточных актрис видела.

Вместе с громким девичьим голосом вокруг взрывается мир звуков и запахов.

К нежному луговому аромату добавляется запах прибитой дождем дорожной пыли.

Непроизвольно снова прикрываю ресницы. Шевелю рукой и ногой.

Слава богам, чувствую свое тело и даже могу пошевелиться.

Слышу, как невдалеке храпят лошади, стучат по мостовой колеса, хлопают дверцы... Автомобиль?

Кажется, в нашу сторону направляются тяжелые шаги. Спорят мужские голоса.

— Откуда она здесь взялась? — раздраженно говорит один.

— Да я не видел, откуда она взялась, Крис, как из воздуха сплелась и сразу... Бац! и под колеса, — оправдывается второй. — Хорошо, что ты успел перенести ее, надеюсь, она не сильно ушиблась.

— Леди, с вами все в порядке? — надо мной склоняются, закрывая солнце.

Бархатные нотки в голосе мужчины волнуют. На руках

поднимаются предательские волосы.

— Ресницы дрожат, значит, пришла в себя, — отвечает его собеседник вместо меня.

Притворяться не имеет смысла, я открываю глаза и...

Как в той песне: “Пропадаю я...”

Я не просто пропадаю, я тону в этих черных омутах. Темные глаза мужчины будто втягивают меня в бездну, заставляя забыть о том, что происходит вокруг. Между нами возникает странное притяжение.

Вспышка солнечного света смешивается с его темными волосами, создавая контраст, завораживающий моё сознание. Вокруг все отдаляется, и я остаюсь только с ним, с его теплым взглядом и загадочной улыбкой.

Замечаю, как кадык незнакомца дергается, ноздри тяжело подрагивают при каждом вдохе и выдохе. Мужчина поправляет воротник рубашки, будто он его душит.

— Леди, с вами все в порядке? — повторяет он...

А у меня... мои мурашки зовут своих мурашек, а те своих, в общем, в моей голове прямо сейчас случается маленькая смерть.

Ну разве ж так можно с женщинами? Разве ж можно быть красивым таким?

— Пришла в себя, — с облегчением вздыхают рядом с ним.

Отвлекаюсь от созерцания на миг, моргая. Пелена тут же спадает с моих глаз. Я снова смотрю на незнакомца. Слегка

удлиненное аристократическое лицо с прямым носом и узкими усиками над чувственными губами выдают в нем человека с высоким социальным статусом и одновременно придают его образу романтичность. Суровый взгляд намекает о богатом жизненном опыте. Он моложе меня, и это печально. Зареклась строить отношения с "малолетками". Только вот одежда.

С одеждой тут у них вах!

Я снова начинаю сомневаться в своей дееспособности, когда вижу его наряд: старинный бархатный сюртук расшитый золотыми узорами, а на тонкого батиста рубашке под галстуком — дорогую закрученную вензелями брошь с драгоценными камнями.

Крепкие стройные ноги обтянуты черными брюками, заправленными в высокие сапоги.

Ну чисто мушкетер из старых фильмов, только добавить шляпу с широкими полями и пером и шпагу повесить на пояс.

Кино у них тут что ли снимают? Или реконструкцию исторического события затеяли? Ага. Сейчас это модно.

Мы рассматриваем друг друга, не обращая внимания на окружающих. Я вижу в его глазах смешинку. Улыбаюсь в ответ. Да, он хорош. Ну и я выгляжу по современным меркам неплохо.

В свои тридцать восемь я еще ловлю на себе заинтересованные взгляды мужчин. И незнакомец явно доволен тем,

что видит.

Знаю я такие взгляды, и вообще, хочу сказать, что любая женщина чувствует, когда она интересна мужчине.

Все ничего, но я по-прежнему не понимаю, где нахожусь.

— Леди, вам нужна помощь? — незнакомец протягивает руку.

Отказаться просто нет сил. Я подаю свою ладонь.

Невидимый огонь охватывает наше пожатие.

— Ах-х, — не сдерживаюсь я, и мои щеки опалает жар. — Благодарю вас. — Как только оказываюсь на ногах, словно юная барышня освобождаю свою руку из нежного захвата и... Цепенею.

Это не моя рука! Моя будет покрупнее и пальцы не такие тонкие.

А маникюр? Куда делся мой нюдовый маникюр с дизайном?

Я же только вчера была у мастера!

Дорогие мои читатели!

Приветствую Вас в моей новинке. В истории вам встретятся дерзкая героиня и генерал драконьей эскадрильи на излечении, волнующие приключения попаданки в магическом мире, противостояние героев, прогрессорство, лечение особенных животных.

Добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не потерять.

Не забудьте поддержать книгу звездочкой и комментарием. Это помогает автору с душой стучать по клавишам.)))

ДОК

Визуал 1

Визуал

А сейчас хочу познакомить вас с главной героиней истории.

Итак, Ирина, Рина. А теперь Ринальдина.

Ветеринарный врач известной клиники для домашних животных. Героиня с виду нежная и хрупкая. Сразу скажу, это обман.

В глазах виден дерзкий характер.

Войти в горящий сарай?

Легко!

Остановить на лету дракона?

Без проблем!

И генерала драконьей эскадрильи на место поставит!

Не сомневайтесь!

Глава 2

С трудом выдыхаю и глотаю скопившийся в горле комок. Следом появляется новый, но я и его хоть и с усилием, но проглатываю. Меня еще покачивает от слабости. Перед глазами мелькают цветные мухи. Но я лучше откушу себе руку, чем позволю притронуться ко мне еще раз весьма привлекательному мужчине. Мысленно беру себя в руки.

Нет, нет, нельзя показывать свое замешательство. И вопросы задавать тоже нельзя.

Сначала прислушаюсь, присмотрюсь, куда я попала, потом буду делать выводы.

Главное, не потерять свой дзен.

Сейчас нужно просто успокоиться и принимать все как данность.

Убираю руки за спину и сцепляю.

Вот так. Когда хотя бы одного триггера нет перед глазами, как-то легче. Держать себя в руках, имею ввиду, легче.

Вдох-выдох.

А что делать с магнитом черных омутов?

Мужчина не уходит, стоит напротив, молчит и буравит меня пронзительным взглядом.

Вдох-выдох.

Так учила меня подруга, психолог из соседней клиники.

А еще посчитать до десяти. Но в создавшихся условиях меня это не спасет.

А вот найти зеркало или хотя бы ближайшую стеклянную витрину и посмотреть на себя не помешает.

Это желание для меня оказывается первостепенным. Я оглядываюсь по сторонам в поисках отражающей поверхности. Напрасно. Передо мной каменная кладка и несколько деревянных дверей в ряд, ступеньки к каждому входу и клумбы с цветами.

Кстати, из одной такой клумбы меня только что выдернули.

Чувствую себя розой среди... Так, стоп, Рина, это уже в тебе истерит ирония или даже сарказм.

Теперь понятно откуда был такой аромат, когда передо мной появился мальчик. Эделин... Я просто спутала запахи.

Вокруг меня снова шумит мир — голоса моих “детей”, неясные разговоры, шаги и цокот копыт. Довольно странный цокот копыт. Ни разу не слышала, чтобы так звучали лошадиные копыта.

Детские голоса окончательно приводят меня в чувство.

— А где мои дети?

Это я сейчас сказала? Точно?

Только голос не мой. Немного похож, но нежнее что ли. Я за годы работы научилась повелевать, умею раздавать приказы своим подчиненным громко и четко. А сейчас я блею, словно беззащитная овечка.

Сердце забилося быстрее. Вопрос о детях повис в воздухе, словно на тонкой паутине. Я стараюсь сосредоточиться и осознать ситуацию, в которой оказалась. Мне тревожно. Я беспокоюсь. Скрещиваю руки на груди и, прищурившись, смотрю на мужчину.

Он, замешкавшись, спрашивает:

— Дети? — замечаю изумление на лице незнакомца. Я снова смотрю в его лицо. — Это ваши дети? Кхе... Кхе... — он недоверчиво смотрит куда-то за мою спину.

— Дети, да, мои дети — упрямо повторяю я и поворачиваю голову за его взглядом, не обращая внимания на растерянность в его взгляде.

— Ох, — не удержавшись, стону от боли.

Мышцы шеи реагируют на любое мое движение неприятными ощущениями, будто меня просквозило.

Да что со мной происходит? В какой мясорубке я побывала?

Помню, как вошла в соседний кабинет, где обычно проводят груминг собакам. Нужно было попросить об услуге новенькую сотрудницу: обслужить в обеденный перерыв важного клиента. Постричь вне очереди померанского шпица. А попала на феерическое шоу: прямо на рабочем столе моему теперь уже бывшему любезному делали гигиеническое вылизывание.

Фу! Я не ханжа, но картинка была из самого отстойного порно.

Это не лучший эпизод, возникающий в моей голове. Вообще, как-то странно себя чувствую. Тут помню, тут не помню.

И мне непонятно, как я здесь оказалась, и кто эти люди? Совсем рядом кто-то издает глубокий вздох. Недалеко слышится стук колес и странное топотение по мостовой, будто царапанье твердых когтей.

Кажется, я слишком увлеклась воспоминаниями. Я подумаю об этом в удобное время, когда останусь наедине с собой, а сейчас я вся внимание.

За спиной у незнакомца кто-то неуверенно покашливает. — Простите, Ваша Светлость, — раздается скрипучий голос. — Позвольте обратиться к леди Ринальдине?

Мда, с каждой минутой все веселей и веселей. Прибывают новые действующие лица, а ответов по-прежнему нет. Только вопросы добавляются. Легкий холодок страха пробирается в душу.

Где я? Кто я? Кто все эти люди, включая “моих детей”. Мельком смотрю на свою одежду и вздрагиваю. На мне длинное платье средневековой моды. Почти такое же, как у “дочки”, только рукав длинный. Провожу не своими ладонями по юбке, разглаживая ткань. Нет, это не иллюзия — ткань настоящая, гладкая и теплая.

Вот это уже не смешно. В голове появляется шум. Я морщусь. Не пойму только от чего больше, от боли в шее или от этого скрипучего “леди”. Будто наждаком по нер-

вам прошлись. Но уже не нервничаю, кажется, очень быстро наступает фаза принятия.

Я — леди? Как интересно! Кажется, меня уже так называли сегодня. Всего минуту назад.

Но как же приятно звучало это слово в других устах!

Просто музыка! Елей на душу!

Сглатываю тайком очередной предательский комок и вдыхаю запах. Терпкий с хвойными нотками. Здоровый мужской запах. Под ложечкой становится щекотно.

Я взрослая самодостаточная женщина млею перед молодым незнакомцем. Позор!

— Сударь? — поворачивается вполоборота “Его Светлость”, позволяя увидеть источник неприятного голоса.

За его спиной старик, неряшливый и неухоженный. Помятый серый сюртук с выглядывающей несвежей рубашкой, пуговица болтается на нитке. Старик низенького роста, или это так кажется рядом с достаточно высоким “Его Светлостью”?

Козлиная всклокоченная борода в крошках, нос картошкой и красные воспаленные глаза, которые выдают пагубное пристрастие их обладателя к веселящим напиткам.

Под его неприязненным взглядом чувствую холод в подреберье. Тошнота падает на дно желудка противным комком.

Вот сейчас он сообщит радостную весть, что он мой муж или жених, и я умру от счастья. Лучше уж бухнусь назад в

цветочки: все-таки в клумбе мне было уютнее лежать, голова только болит. Тянусь ладонью к затылку. Так и есть, нащупываю огромную шишку на затылке.

И как только живая осталась? Так же можно было получить травму несовместимую с жизнью и тю-тю, Рина, милости просим в следующую жизнь. Так может это она и есть? Следующая жизнь? Только я этого еще не поняла?

У Его Светлости широко распахиваются глаза, когда он смотрит на старикашку, приподнимается правая бровь, на лице появляется выражение “Ты кто такой?”

Старик боязливо смотрит на сердитого мужчину и испуганно блеет:

— Ваша Светлость, леди Ринальдину и детей, — кивает он за мою спину. Я слышу фыркание Эделина и “дочки”, но уже не пытаюсь крутить головой, боясь снова испытать боль. — Ожидает поверенный семьи Урбан, — тяжело вздыхает старик. — Склянки уже давно пробили назначенное время, но леди не явилась на чтение завещания, вот я и вышел навстречу, а тут...

Его выпученные глаза странно смотрят на меня, но под грозным взглядом незнакомца старик опускает глаза. Что-то здесь нечисто, я чувствую нутром. Моя интуиция кричит, что этот человек если не лжет, то уж что-то скрывает точно. Сомнение в правдивости происходящего снова захватывают меня.

Я стала участницей веселого розыгрыша?

Так и жду, что сейчас из-за угла выскочит кто-то из знакомых и крикнет: Шутка!

Но руки не мои, и платье тоже странное для нашего времени.

А еще завещание.

Чье? Для кого? Для меня? Я богатая наследница?

Новые вопросы и снова без ответов.

В голове с космической скоростью проносится сюжет одной прочитанной недавно фэнтезийной истории о попаданке в другой мир. Моя младшая сестра фанатка всей этой ерунды. Недавно она подсунула мне книжку, когда заметила, что я мучаюсь бессонницей из-за усталости...

— На, почитай, хорошо усыпляет, — протянула она мне книгу. — Две-три страницы и ты не заметишь, как уснешь.

Если бы...

Я не уснула, пока не дочитала до конца.

— Леди, — окликнул меня Его Светлость. — Не смею задерживать, но позвольте компенсировать ущерб, нанесенный вашему здоровью, — произносит он и протягивает мне черную блестящую карточку с золотыми светящимися вензелями. — Это то малое, что я могу предложить, если вам когда-нибудь вдруг понадобится моя помощь, обращайтесь, всегда буду рад помочь. — Он кивает, а я беру из его рук карточку, похожую на визитку. Как только она оказывается в моих руках, золотые вензеля перестают светиться. Мужчина удовлетворенно хмыкает. В его глазах мелькает лукавство,

будто он знает еще что-то, чего не знаю я. — Поверьте, я применил минимальную силу, чтобы вас не затоптали мои драконы.

Драконы? Какие драконы?

О мой бог!

Обернувшись, я застываю в немом удивлении.

Глава 3

Как тут не оцепенеть?

Я чувствую, как меня накрывает волна паники, и сердце стучит так сильно, будто хочет вырваться из груди. Я даже забываю, что у меня шея болит, громко всхлипываю и перестаю дышать, когда вижу эту картину.

Чуть в стороне за моей спиной стоит черная карета, запряженная парой... вороных, мать его, драконов!

Самых настоящих, живых драконов!

Я испуганно зажмуриваюсь, в надежде, что когда открою глаза, драконы просто исчезнут, как мираж, как нелепое наваждение, а на их месте будут пританцовывать не эти исчадия из выдуманных фантастических историй, а обычные жеребцы. Кони.

“Пусть они будут черные, пегие, да хоть в яблоках, но

обычные лошади, а не то, что я сейчас вижу”, — мысленно умоляю я... Не знаю, правда, кого я прошу об этой милости...

Провидение? Судьбу? Господа?

Увы. Меня никто не слышит и не спешит исполнять просьбу.

Вдох-выдох.

Открываю медленно глаза и глазею на животных исключительно из биологического интереса.

Вдох-выдох.

Я же ветеринарный врач, поэтому меня не удивить какими-то драконами.

Это я так пытаюсь себя успокоить.

Вдох-выдох.

Драконы, которые передо мной, не просто фантазия или плод воображения — это реальность, и они явно не собираются никуда исчезать.

Два прекрасных дракона в конской упряжи фыркают и царапают твердыми когтями мостовую. Из ноздрей тонкой струйкой вьется дымок. Головы животных с россыпью рожек украшают высокие пышные плюмажи черного с синевой цвета. Глаза словно драгоценные камни переливаются перламутром. Ухоженная кожа лоснится и поблескивает, отражая солнечные лучи. Четыре огромных кожистых крыла подрагивают при дыхании животных. От них идет волной сила. Я не могу себе этого объяснить, но я чувствую их силу и мощь.

Это их шумное дыхание с легким рычанием я приняла за лошадиное!

Нет, я заметила, что храп необычный, но мне даже в голову не могло прийти, что возможно вот такое чудо чудное.

А вдруг я просто сошла с ума? Только не могу осознать сей факт?

Спроси любого сумасшедшего: Ты сумасшедший?

И что, он признается? Нет, конечно.

Я стараюсь держать себя в руках, но получается с трудом.

Рассматриваю с пристрастием карету. На дверцах вензели в виде драконов, а на крыше фигурки золотых дракончиков и фонари по углам. Золотая отделка сверкает, демонстрируя богатство и знатность хозяина. На окнах трепыхаются тонкие с вышивкой занавески, хотя нет даже легкого дуновения ветерка.

Колеса сияют, будто золотые.

Хотя, кто их знает, может и золотые? В моем мире люди золотые унитазы ставят и ничего, а тут всего лишь колеса.

И кто знает, может, у них тут золото крепче чугуна будет? Одним словом, дорого-богато.

Значит, я все-таки попала в другой мир, и этот мир иначе развивающийся? Станный мир, наполненный чудесами и опасностями, с которыми я пока не знакома, но обязательно познакомлюсь...

За что, Господи?

Или нет, не так.

Для чего, Господи?

Я, кажется, пошатнулась.

Вдох-выдох.

Рина, где ж ты так нагрешила?

Или, может, ты, наоборот, совершила праведный поступок, и тебя отправили проживать следующий жизненный этап?

У меня тоже есть свое маленькое кладбище. Я не всевеликий доктор, были в моей практике врачебные ошибки. Но это в самом начале, когда я только начинала работать на станции ветслужбы.

С годами мой опыт рос, и я стала известным врачом.

А может, это так и происходит? Ведь никто “оттуда” еще не возвращался, а то, что пишут все эти шарлатаны от псевдонауки: парапсихологи, уфологи и еще всякие “логи”, обычные бездоказательные теории.

Есть химия и живая клетка, то, что я изучала в ветеринарной академии, поэтому то, что было сейчас перед моими глазами, вообще не соответствовало тому, что я знала.

Рина, больше никаких обмороков и потери сознания.

О боже! Куда я попала?!

Мое замешательство уже не скрыть. И я слишком долго смотрю на драконов.

Но мою растерянность хозяин кареты понимает по-своему.

— Леди Ринальдина, понимаю ваше восхищение, мои

драконы лучшие в нашей стране, еще лучше только у короля, — с гордостью произносит Его Светлость, заметив мое волнение.

В его голосе звучит самодовольство.

Слава богам! Он мое волнение принял за восторг. Ну хоть так.

Сглатываю комок. Все же я не молоденькая девушка и пока что владею своим психическим состоянием. Говорю почти спокойно:

— Да, ваши драконы прекрасны, несомненно, — играю чужую роль, а в душу ледяной змейкой заползает страх и сворачивается на дне желудка противной тошнотой.

Внутренняя борьба за внешнее спокойствие заканчивается победой.

Нет, Рина, это не розыгрыш и не чья-то злая шутка. Ты, действительно, в чужом мире, как ты сюда попала, ты не помнишь, кто ты есть и какая твоя судьба в этом мире тоже непонятно.

Так что смирись и начинай жизнь заново.

— Где мои дети? — Поворачиваюсь, взглядом нахожу Эделина и его сестру.

— Дети, — строго киваю. Так воспитывает племянников моя сестра. — Идемте, нас, кажется, ждут.

— Спасибо, вы мне очень помогли, — обращаюсь к Его Светлости. Прикрываю на миг глаза, уже совладав с волнением, смотрю, словно вопрошая, на старика.

Дети стоят на месте и неприязненно смотрят на старика. Тот замечает их взгляды и усмехается:

— Аделина и Эделин вам присутствовать на мероприятии в обязательном порядке.

Как? Аделина и Эделин?

Дети, с фантазией у ваших родителей проблем не было. Определенно.

— Кристиан, — раздается мужской голос от дороги.

Из-за кареты появляется еще один молодой мужчина.

— Мы опаздываем на награждение, король будет недоволен.

Этот голос я уже слышала сегодня. Это он оправдывался, когда я еще не могла говорить.

Мужчина смотрит на меня и досадливо морщится, будто я и есть причина их опоздания на прием к королю.

Как интересно! Значит, тебя зовут Кристиан?

Прячу улыбку, глядя на незнакомца. Теперь я хотя бы знаю имя своего спасителя.

Что же все-таки произошло? Мне кто-нибудь расскажет? Нужно будет потом расспросить Эделина, мне кажется, этот мальчишка знает больше, чем показывает.

Смотрю и не могу отвести взгляд от мужчин. Перевожу с одного на другого. Даже как-то неловко. Так хороши, мерзавцы!

Мужчины между собой чем-то неуловимо похожи. Нет, нет, их нельзя назвать братьями, но какое-то внутреннее род-

ство присутствует. В повороте головы, во взгляде, да даже в манере говорить. Не просто говорить, а повелевать.

Хоть и произнесено всего по паре фраз, но сразу чувствуется, что они не привыкли к отказам.

А еще они похожи мощными фигурами, пронзительными взглядами и мужественными обветренными лицами, крепкими руками, только у другого волосы покороче и чуть светлее, чем у “моего” (и когда успела присвоить?). На нем такой же бархатный костюм с вышивкой по ткани, расшитый золотом пояс и высокие сапоги.

Правая рука на перевязи. Широкая черная лента обхватывает шею и предплечье, притягивает руку к груди.

Неужели ранение? Или просто бытовая травма?

Все понятно, молодые люди спешили на прием, а тут я откуда-то свалилась им на голову, вернее, если судить по фразе второго, прямо под ноги их драконам.

Б-р-р!

Передергиваю плечами, невольно кинув взгляд на двух исполинских животных, фыркающих в ожидании своего хозяина.

Да от меня бы и мокрого места не осталось, попади я им под их мощные лапы.

Но не попалась же? Вот и хорошо!

— Да, Каракас, уже иду, — обращается к нему Кристиан.
— Не волнуйся, все равно без нас не начнут.

Он с сожалением смотрит на меня. Правила приличия, ви-

димо, не позволяют ему сделать что-то еще. Например, поцеловать мне руку. Ну это, если судить по одежде, то в те времена так и было, и поцеловать даме руку, было вполне нормально. В моем мире мы бы обменялись номерами телефонов, а потом бы встретились в кафе или театре. А тут интересно, есть места, где можно пообщаться? Может, балы какие-нибудь, или приемы?

Вот это я размечталась, Господи, прости.

Кристиан, не отворачиваясь, делает пару шагов назад и кланяется.

— До свидания, леди, надеюсь, еще встретимся, — на его мужественных губах мелькает едва заметная улыбка. Слегка даже залипаю.

— Прощайте, — тихо говорю себе под нос.

А мне что, ответить реверансом?

Кристиан разворачивается и шагает к карете, слегка припадая на левую ногу.

У Каракаса рука, этот хромает. Вывод напрашивается сам. Они оба побывали в хорошей переделке. У них тут что, где-то идет война?

Нет, все-таки нужно пытаться Эделина. И его сестру.

Смотрю вслед Кристиану и ощущаю, как теплеет в груди. Интересно, как же странно: мы общались с ним всего лишь несколько минут, а мне кажется, что мы знакомы с ним давно.

Любуюсь им. Он не просто красив, даже в его хромоте

просматривается аристократичность. Он припадает на раненую ногу с таким благородством. А в его глазах я успеваю заметить глубину и загадку, которые заставляют меня желать узнать о нем больше.

Крикнув команду драконам, мужчины садятся в карету. Из черных драконьих ноздрей идет пар, крылья трепещут, громко царапнув по булыжникам, звери трогаются и тащат без усилий тяжелую карету.

Провожая взглядом карету. Тяжко вздыхаю.

А счастье было так возможно.

Кристиан, значит. Его манера говорить и поведение выдают в нем представителя высших слоев общества, впрочем, как и его спутника. Интересно, как такие люди могли оказаться рядом со мной, и что со мной произошло?

Ну вот. Вопросов снова больше, чем ответов.

Еще неизвестно, на какой ступени социальной лестницы нахожусь я. Судя по платью не на самой низкой, но кто знает, что меня ждет там, куда я иду. Слово “завещание” иногда сулит не то, о чем многие мечтают - неожиданное наследство от дальней почившей родственницы в виде огромного счета в банке и особняка на берегу океана. Иногда это, наоборот, потери и движение вниз, к основанию пищевой пирамиды.

— Леди, — привлекает мое внимание старик, подходя чуть ближе.

В мой нос ударяет запах чеснока. Я совсем не против этого полезного овоща и даже сама его периодически употреб-

ляю, памятуя, что это лучший витамин. Но после употребления предпочитаю приводить в порядок свою ротовую полость. Здесь же гигиеной не пахнет от слова совсем. Меня тошнит. Я сдерживаю неприятные потуги и спрашиваю старика:

— Вы проводите нас туда, где нас ждут? — притягиваю к себе Эделина, обнимаю за плечи. Ловлю на себе удивленный взгляд его сестры.

Что? Я делаю что-то непривычное для этих детей? Я никогда их не обнимала? Ну ничего, теперь это будет в порядке вещей. Пусть привыкают.

Сколько раз в сутки должна мать обнять своих детей, чтобы они стали успешными в жизни? Не меньше семнадцати? Прекрасно! Можете быть уверены. Я справлюсь.

Глава 4

— Идемте, — командует старик и направляется вдоль улицы по тротуару. Мы бредем следом. Я и Эделин чуть впереди. Аделина за нами. Слышу ее недовольное сопение. Нужно девочке уделять больше внимания. Вообще, нужно уделять внимание обоим детям, конечно, но девочкам нужна особая ласка.

О ужас. Я никак не могу успокоить расшалившееся сердце.

Ничего страшного, мир тесен в любом мире, и я почему-то уверена, что мы еще встретимся с Кристианом.

Внутренний голос сыпет цитатами из моей прошлой жизни.

Кажется, я уже начинаю адаптироваться под эти реалии.

Не зря говорят, что человек такая тварь (надеюсь, имели ввиду, что божья тварь), ко всему быстро привыкает.

Вот и я, видимо, уже начала приспосабливаться.

— Кто они? — спрашиваю я тихо Эделина, стараясь не выдать свое странное волнение.

Эделин слегка улыбается, но молчит. Только машет головой в такт своим шагам.

Ответы неожиданно приходят от старика.

— Это Кристиан и его друг Каракас. Кристиан Ормандо и Каракас Деборд. Они генералы королевской драконьей эс-

кадрильи. А еще есть Тулл Генцен. Тот тоже из летунов. Они известные в нашем королевстве вояки. Король очень ценит их. — Старик останавливается посреди тротуара и недоверчиво смотрит на меня. — Странно, что вы их не знаете. Они довольно известные люди в стране, целые герои, про них ходит столько слухов, — машет в воздухе рукой. — Но самое главное, они верой и правдой служат королю.

Он продолжает путь, при этом смешно подергивает головой.

Как-то сразу я не заметила.

У старика что, болезнь Паркинсона или Альцгеймера?

От движения его всклокоченные волосы дергаются, и на плечи сыпется перхоть.

Эх, ему бы не помешало применить комплексное лечение для кожи и волос. Это я машинально ставлю диагноз и назначаю лечение “шелудивости” нового знакомого.

Служат королю... Эти слова вызывают новые вопросы. Да и то, что сказал старик делает этих мужчин в моих глазах опасными. Таких лучше обходить стороной, чтобы не разбить свое сердце окончательно.

Словно уловив мои мысли, старик продолжает:

— Нет, нет, не думайте о них плохо. Они не такие, как могут показаться. Кристиан, например, весьма благороден, несмотря на свое положение. Каракас тоже мухи не обидит, ну если не считать их боевые заслуги. Да они все время охраняют границу от коварных фейри. У них даже нет времени,

чтобы привести в порядок свое семейное положение. Я слышал, — понижает он голос до шепота, будто нас на пустынной улице может кто-то подслушать, — что король грозился женить всех троих разом на фрейлинах королевы, если они сами не представят к определенному сроку своих избранниц.

Я киваю и опускаю взволнованное лицо. Чувствую, как по щекам разливается предательский жар, и не хочу, чтобы это видели Эделин и Аделина.

Но не могу не признаться себе, что мне приятно слушать о Кристиане и узнавать что-то из его жизни, и это не праздное любопытство. Я взрослая женщина и знаю, чего желаю. А желаю я этого мужественного красавца.

Вот как... Я не знаю, что и думать. Теперь эти мужчины становятся настоящими героями моего происхождения. Смешанные чувства наполняют меня, и я чувствую себя одновременно благодарной и смущенной.

— Они спасли меня, — говорю вслух очевидную вещь.

Эделин вздыхает, поднимая глаза к небу. Адалина бормочет, шагая следом.

— Ринальдина, это дело чести. Мужчины такого рода не могут оставить женщину в бедственном положении. А вот... — она делает паузу, собираясь с мыслями, — может быть, Кристиан увидел в вас что-то особенное?

Слышу в ее голосе нотки ревности.

О боги! В этой девочке проснулся инстинкт самки. Мне кажется, или она уже сделала свой выбор?

Что-то особенное? Это звучит в устах Аделины как вызов. Я не знаю, готова ли увидеть это особенное в себе. Но мне определенно хочется встретиться с Кристианом вновь.

Свернув за угол, мы поднимаемся по трем ступенькам и оказываемся на каменной площадке перед задней дверью.

Почему задней? Потому что парадные такими обшарпанными не бывают.

Когда я выбирала новое здание для своей клиники и принимала проект по капитальному ремонту помещений, то особое внимание обратила на входные двери из защитного толстого стекла с металлическими вставками.

Встречают по одежке, замечают по витрине. Один из главных законов маркетинга.

И вывеску заказала дорогую с неоновой подсветкой.

А указание, чтобы покрасили пожарную дверь с задней стороны здания, я так и не дала. Не успела. Ржавеет теперь на радость пожарникам.

Значит, и ценность завещания такова, каковы двери, через которые нас сейчас принимают.

— Прошу, вас, проходите. — Наш провожатый галантен, пропускает нас вперед, открыв двери, и останавливается сбоку.

О мой бог! Они еще и скрипучие.

Противный звук режет по нервам, добавляя напряженность в происходящее.

Прямо красное крыльцо от слова красивое, ага!

Миновав “парадное” крыльцо и двери, мы входим в помещение с высокими потолками.

А это что? Это у них фойе такое? Ух, ты. Неплохо. Беру свои слова обратно. Даже в моей клинике поменьше и не так помпезно будет.

Огромная комната с бежевыми кафельными полами, на темных коричневого теплого тона стенах дубовые панели, над которыми висят картины, догадываюсь, с изображением местных богов. Мощный мужик в набедренной повязке меряет две огромные гири.

Это типа, как наша богиня правосудия что ли?

Причем взгляд его пронзает насквозь, как только я вхожу в фойе, и мне кажется, преследует, пока мы шагаем к одной из дверей.

Наш провожатый меняется на глазах. Становится выше и опрятнее. Да и волосы вдруг делаются короче и ложатся в аккуратную прическу. От удивления я сжимаю чуть сильнее ладонь Эделина. Опускаю голову и ловлю хитрый взгляд мальчишки.

А мальчик не так прост. Лукавство так и сквозит в его глазах.

Он кивает мне, и я считываю “видала?”, это тебе не кошечек стерилизовать. Последнее я, конечно, сама додумываю в силу своей профессиональной фантазии.

— Магический кристалл, — шепчет он мне, став на носочки и дотянувшись до уха. Отстраняется и пожимает пле-

чами. В глазах его плещется восхищение и зависть.

Старик, который уже и не старик вовсе, оборачивается и, прищурившись, кивает.

Он, что, услышал нас?

Я улыбаюсь профессиональной улыбкой, показываю ему свои новые виниры (ну это я так думаю, не знаю, что видит он на самом деле) и опускаю взгляд.

Звук наших шагов гулко разносится, ударяется о стены и бьет по ушным перепонкам.

Что ж я сегодня такая восприимчивая?

Обычно звуки меня так не терзают, а сейчас все просто выбешивает, словно я целиком и полностью оголенный нерв.

А может, мое тело предчувствует еще какие-то неожиданные перемены? Душа-то уже сместилась, куда только, интересно. И что происходит сейчас с моим телом там, где я находилась еще совсем недавно?

Пытаюсь вспомнить еще хоть что-то, но плотная завеса мешает вернуться в прошлое.

Посмотреть бы еще на новое свое тело... И на лицо тоже не мешало бы. Снова смотрю по сторонам в поисках зеркала или чего-то блестящего. Разочарованно вздыхаю. Кругом стены и двери и ни малейшего намека на что-то отражающее.

Может, у них тут антизеркальный мир? Смеюсь мысленно с предположения.

Осталось только придумать и описать такой мир. Мир, где нет зеркал.

А что? Вот пойду на пенсию и как начну книжки писать!

Нет ничего печальнее, чем пенсионерка, пишущая в одиночестве истории о любви. Да и не только пенсионерка.

— Проходите, вас ждут. — Наш провожатый снова галантен.

И голос его не такой скрипучий, как звучал на улице. И проходя в опасной близости, я инстинктивно пытаюсь отстраниться от него, не желая дышать чесноком, но, о боже! Запах изменился. Чеснок уступил место кофейному аромату.

Ничего не понимаю! Это-то зачем?

Переступаем порог кабинета.

А этот мир не прост! Не устает меня удивлять.

Сбоку на стуле с высокой спинкой сидит почтенного вида дама в длинном черном платье и шляпке с темной короткой вуалью.

Дородная!

Мое первое впечатление.

— Р-р-р-р, — на ее коленях восседает маленький дракончик в коричневой кожаной жилетке и клипсой с бриллиантом в маленьком ушке.

Глава 5

Мое внутреннее профи-эго тут же пытается определить породу животного. Точнее, провести параллель с питомцами моей клиники.

Ну если сравнивать с собачками, то это, скорее всего, представитель фокстиков, то есть фокстерьеров, такие же глазки-пуговицы, уши торчком, только черные, кожистые без шерстяного покрова. Лапы на широком ходу. Такого очень легко простудить, а лечить будешь долго и нудно.

Ну а если по кошечкам, то абиссинка чистой воды, даже взгляд такой же настороженный и дикий. А проблем с ними сколько... Тащат в клинику, в основном, старушек, потому что только с возрастом у них выплывают болячки: то слепнут, то хрупкие кости ломают. Недавно одну принесли долгожительницу, восемнадцать лет прожила с хозяйкой: при хорошем уходе и правильном питании они могут и дольше жить, только у этой почки стали барахлить. Я ей капельницы назначила, десять дней. Отвоевали киску у смерти. Поживет еще на радость хозяйке.

Яркие картинки мелькают в моей голове так быстро, будто стекляшки в калейдоскопе, и также быстро схлопываются, снова становясь темными и непрозрачными.

Я пытаюсь ухватить за хвост своенравную память и не могу.

Тяжко вздыхаю, чувствуя, как Эделин освобождает свою ладонь из моего крепкого захвата.

Провожу влажной ладонью по лицу, касаясь волос.
О Господи, еще и волосы длинные!

Из-за паники я не почувствовала тяжесть на голове. Свои волосы я срезала много лет назад, когда поняла, что у меня нет времени за ними ухаживать. Мой стилист долго выбирал мне подходящий имидж: то каре на ножке, то шапочку, то пикси. С цветом тоже три месяца экспериментировали, пока наконец не остановились на золотистом блонде. Так что меня мой внешний вид устраивал вполне.

Незаметно нащупываю в волосах шпильки, слегка, как на-
стоящая леди, поправляю прическу.

Ах, ты ж, придется снова вспоминать, как носить косы.

Дама слегка поворачивает голову. Я не вижу ее глаза из-за вуали, но крючковатый нос и сжатые в тонкую линию губы создают весьма неприятный образ. А ее пренебрежительный фырк в нашу сторону вообще объясняет расстановку сил. В деле о наследстве мы совсем ни разу не друзья.

— Р-р-р, — напоминает о своем присутствии дракончик.

Я и так с трудом отвела от него свой взгляд. Потешный звереныш. Если бы в нашем мире такие водились, мне бы пришлось их лечить. А теперь, возможно, начну здесь.

Ну это было бы смешно, если бы наследники радовались присутствию друг друга. Голову даю на отсечение, что эта дамочка не ожидала нашего присутствия на оглашении. Вон

как побелели пальцы, вцепившиеся в собачий... тьфу-ты, драконий (так и хочется назвать, — драконячий!) поводок.

Не потому ли здесь оказалась я, а не хозяйка тела?

Слева стоят три стула. Сидения и высокие спинки обиты зеленым бархатом в тон занавескам на окне. Над ними висят квадратные старинные часы. Белый циферблат в простой деревянной рамке. Черные стрелки едва двигаются, маленькая часовая указывает на три, большая минутная почти на двенадцать.

Ну хоть что-то знакомое. Надеюсь, принцип работы часов такой же, как и в моем мире.

Застываю, услышав одобрителный хмык.

— Леди Ринальдина Урбан, Эделин Урбан и Аделина Урбан, — громогласно сообщает наш сопровождающий. В tone звучит такой официоз, будто мы явились на королевский прием, что я когда-то видела в каком-то старом фильме.

А Кристиан сейчас на настоящем королевском приеме...

Незаметно вздыхаю и снова смотрю на дракошку. Забавный. Злой, непоседливый и комичный.

— Можете присесть, — помпезно предлагает провожатый и указывает на стулья.

— Дети. — Подталкивая впереди себя Эделина и Аделину, наблюдаю, как они садятся.

Милые несчастные дети. Практически, сироты. Хочется укутать их теплом и нежностью. Защитить от невзгод и горя.

Эделин деловито кладет ладони на колени. Аделина рас-

правляет складки на платье. Присаживаюсь на край сиденья и выпрямляю спину, как меня когда-то учила бабушка.

Этикет наше все. Да. Когда стараешься вести себя подобающим для момента образом, не так заметен тремор рук и дрожание ног. И хорошо, что не нужно ничего говорить, секретарь сам все сказал, иначе я не смогу вымолвить ни слова. Разве только зубами стукнуть, верхними о нижние.

“Старик” топает через весь кабинет к письменному столу, стоящему напротив двери. Садится на стул, стоящий сбоку и, раскрыв папку с бумагами, поправляет гусиное перо в чернильнице.

Неужто секретарь? Так точно-с.

А это кто?

Я не сразу замечаю сидящего за огромным столом мужчину. Это душеприказчик? Видимо, да.

Он поднимается из-за стола, худой насупленный мужчина с гладкими блестящими волосами и круглыми очками на носу. словно изогнутая шпала, нависает над столом, держа в руках большой коричневый конверт. Обводит всех цепким взглядом.

— Кхе... Кхе... — Он прикрывает рот кулаком. Опускает свободную руку и упирается ею в столешницу.

Часы бьют три раза.

Вздрагиваю от неожиданности. Сердце заполошно бьется в груди.

Душеприказчик глухим голосом начинает зачитывать за-

вещание.

— Я, Коклес Урбан, королевский заводчик, в здравом уме при свидетелях завещаю все свое движимое и недвижимое имущество своим детям Эделин и Аделине Урбан.

Ноздри у старухи раздуваются, а рот искривляется в недовольной ухмылке.

Она что, не согласна с волей почившего Коклеса?

Странно. По-моему, все логично. Все движимое и недвижимое детям. А кому еще? Я бы свое тоже оставила своим детям, если бы они у меня были. Если на то пошло, а зачем тогда вообще все эти богатства, если их потом некому оставить? Чтобы как у Пушкина: “над златом чахнуть?” Лично мне не хотелось бы.

Нет, ну есть, конечно, индивидуумы-меценаты-филантропы, кто занимается благотворительностью и отписывает все свое движимое и недвижимое чужим людям, но это даже в нашем мире редкость. А как дело обстоит в этом, я пока что еще не знаю.

Ловлю боковым зрением взгляд Эдалина. Он неуверенный и тревожный. Поворачиваюсь к мальчику и ободряюще ему улыбаюсь. Он тяжело вздыхает и отводит взгляд.

Душеприказчик продолжает зачитывать волю почившего и перечисляет “несметные богатства”, которые завещал самым близким родственникам Коклес Урбан.

Сельский дом с огородом и садом, ферма, сенокосные угодья, городской дом, выезд с драконами и даже какой-то фонд

на выплату пособия детям.

По местным меркам, наверное, это целое состояние, жаль только, что я городской житель, и мне не нужны все эти гектары сенокосных угодий с родниками и речками.

Молчаливое противостояние с неизвестной родственницей продолжается. Она смотрит на меня снисходительно, словно на грязь под ногтями. Кажется, она уверена, что все перечисленное достанется именно ей, а дети пойдут незначительной нагрузкой сверх внушительного банковского счета.

“Может, это моя свекровь?” — мелькает мысль, когда я в очередной раз ловлю на себе ненавистный взгляд старухи.

Ну и плевать! Мне с ней детей не крестить.

О Господи, кажется, я уже вживаюсь в роль и становлюсь хозяйкой этого тела.

Как невестка я, естественно, могу ей не нравиться. Дело-то житейское. Много примеров знаю из жизни своих подруг одноклассниц, которые давно в замужестве. И все эти тяжбы с мамами мужей: “Чей мальчик? Кого мальчик больше любит: свою маму или мать своих детей?” мне знакомы с их слов. Мне, конечно, повезло больше. В моей жизни свекровь не предполагалась. Она умерла до того, как мы познакомились с моим неверным.

Снова ловлю на себе неприязненный взгляд “родственницы” и слышу рычание дракончика.

А ты-то куда?

Секретарь, выполняя свою работу, предостерегающе пшикает на них. Дракончик сворачивается клубком на коленях старухи и обиженно прячет нос.

Как-то мы не очень похожи на любящих родственников. Вдыхаю при очередной фразе душеприказчика и напрягаюсь. Я задумалась и пропустила пару предложений, и вот уже вырисовывается совсем неприглядная картина: а Коклес то, оказывается, в долгах, как в шелках. Как бы мне не пришлось расхлебывать и платить за него кредит... Тьфу ты, то есть долги возвращать.

— Учитывая задолженность завещателя, городской дом, находящийся по адресу Большая Драконья улица строение номер сто один и драконий выезд временно отторгается банку в счет выплаты займа. Если заемщиком или его наследниками будет внесен залог в течение заявленного срока, то в течение определенного времени дом будет возвращен во владение заемщику или его наследникам.

А вечер перестает быть томным. Долги все-таки имеются, и вот уже от “несметных богатств” остаются крохи.

А я, как же я? У меня то в этом мире жилье имеется? Или я в подворотне живу?

Словно подслушав мои мысли, душеприказчик на секунду поднимает голову, обводит всех строгим взглядом, словно желает удостовериться, что все внимательно слушают его и понимают, о чем он нам говорит. Видит мою растерянность, кивает, вздыхая, и продолжает читать дальше.

— Ринальдина Урбан, моя родная сестра...

Глава 6

А вот это уже новость всех новостей!

Ай, ла-ла! Я не жена!

Слава тебе Господи! Я не являюсь супругой должника.

Неужели Всевышний увидел мои мучения и решил сжалиться?

Жуть как не хочется примерять на себя образ безутешной вдовы.

Коклес Урбан, оказывается, мой родной брат. И дети не мои, они мои племянники. Родные племянники.

Мне становится стыдно, что я радуюсь в сложившихся обстоятельствах. У людей горе. Они потеряли близкого человека, а я мысленно ликую. Жаль, конечно, Коклеса Урбана, хоть мы с ним и не знакомы. Да и для детей потерять самых родных людей всегда боль.

Теперь мне понятны странные фразы Эделина и его сестры. Я им не мать, я родная тетка.

Это понятно. И теперь понятно, почему я ношу такую же фамилию, что и дети.

Так и подмывает спросить: — “Простите, а где их мать?”

Очень хочется узнать, что случилось с их матерью и отцом, но задать вопрос не решаюсь, а душеприказчик не говорит об этом ни слова. А спрашивать об этом я, по понятной причине, не решаюсь.

Я сижу с прямой, будто мне в спину загнали кол, спиной, и слушаю тихую спокойную речь душеприказчика.

... Имеет все опекунские права на моих детей, и посему я предлагаю ей поселиться с Эдалином и Адалиной и про-извести их надлежащее воспитание. В противном случае все права переходят Мелиссе Транке, являющейся мне родной теткой по матери.

Ох, как полыхают глаза старухи. Что я в них вижу?

Превосходство, определенно. Но то, как она смотрит на детей, мне не нравится от слова совсем.

Очередная “фрекен бок”, определенно. Тиран и деспот в одном флаконе.

К тому же я вижу, как сжимается под ее взглядом Эдалин, а у Аделины гордо вздергивается подбородок.

Я не обращаю внимания на происходящее и слушаю заве-щание дальше.

— Мои дети Эдалин и Аделина Урбан также имеют право самостоятельно выбрать себе опекуна и, если они пожелают жить в доме Мелиссы Транке, которая является им двоюрод-ной бабушкой, то так тому и быть.

Душеприказчик уже, не отвлекаясь, дочитывает завеща-ние до конца и, вздохнув, кладет лист на стол. Снимает оч-ки и кладет их рядом с завещанием. Двумя пальцами: боль-шим и указательным сжимает переносицу. Поднимает голо-ву и обводит нас невидящим взглядом.

Это всего лишь его работа. Он выполнил свои обязанно-

сти и теперь ждет нашу реакцию.

Ох и братец! А завешание-то с подвохом.

Из тех, что хочешь выполняй, а не хочешь, попробуй не выполнить.

Взгляд душеприказчика останавливается на детях и становится осмысленным. Я замираю. Молчание длится невыносимо долго.

Эделин пыжится, словно воробей в зимнюю стужу, Аделина смотрит на старуху вызывающе. Впрочем, она на всех смотрит с вызовом. Пубертат налицо, хотя уже поздновато для переходного возраста. В моем мире такие девчонки уже всю тусуют по ночным клубам и дискотекам. Чувствую, с Аделиной я еще хлебну. Но меня это не страшит.

Эделин вскакивает со своего места и становится рядом со мной. Берет мою руку в свою.

— Я хочу жить с Ринальдиной! — восклицает он и умоляюще смотрит на сестру.

Аделина молчит минуту. Старуха кривится. Дракон поднял голову, но молча сопит. Душеприказчик и секретарь замерли.

В этом моменте все зависит от того, что сейчас скажет эта девчонка. И мне совсем не все равно на ее слова, потому что я уже приняла решение.

Я не брошу детей. Это я уже поняла. Просто не смогу оставить их. Не знаю, откуда во мне появилась уверенность, что именно так я должна поступить. Теперь слово только за ни-

ми.

Эделин рядом, цепляется за мою руку, словно утопающий. Он уже выбрал меня. Его жар и волнение передаются и мне, но внешне я само спокойствие. Аделина смотрит поочередно то на нас, то на старуху.

А вдруг...

Где-то в дальних уголках памяти мелькает картинка, где мы стоим с детьми на холме и любимся красотой открывшихся перед нами окрестностей. Вдалеке мелькают белые стволы и зеленые макушки деревьев. Березовая роща. За ними виднеются шпили замковых башен, в солнечных лучах на самой высокой верхушке сверкает золотистый флаг. В небесах проплывают белоснежные облака, образуя целую стаю медведей, драконов и еще каких-то магических существ.

Но это не мои воспоминания. Точно не мои. Я никогда не видела то, что мне сейчас привиделось.

Аделина задумчиво накручивает на пальчик темный локон, пристально смотрит на Эделина и загадочно произносит, протягивая каждое слово. Словно дразнит, маленькая насмешница. Чувствую подвох.

— Хорошо, я согласна, но у меня будут условия.

— Какие? — произносим одновременно с мальчишкой.

Эделин стискивает мою руку еще крепче. Старуха сжимает губы в жесткую линию, притягивает к себе дракончика. Тот недовольно пищит, его нечаянно придушили. Но старуха не замечает. Она со злостью смотрит на девчонку. Душе-

приказчик спокоен. Секретарь наблюдает за нами с нескрываемым любопытством.

— Ринальдина не станет выдавать меня замуж без моего на то согласия.

О мой бог! А вот сейчас интересно. Даже не интересно, а ужасно.

Какой замуж? Дите, тебе еще учиться и учиться...

Тьфу, ты... Я ж не знаю, что у них тут за система образования. И существует ли.

Может, у них еще не родился Ян Амос Коменский со своей классно-урочной системой, и Лев Николаевич Толстой не пишет азбуки для обучения грамоте детей.

Но душеприказчик же читал завешание? Буковки называл, значит, грамота у них есть... И числа такие же как в нашем мире.

Как все сложно...

Но мне не привыкать... Справлюсь...

Надеюсь, это не сложнее, чем физколлоидная химия или оперативная хирургия с топографической анатомией.

— Никаких замуж в ближайшие... — Я прикинула примерный возраст Аделины. Если ей сейчас примерно лет шестнадцать-семнадцать, то... — Ближайшие пять лет не может быть и речи о твоём замужестве, — произношу я и понимаю, что поспешила со своими подсчётами.

Выражение лица Аделины мгновенно меняется. Она не просто удивлена, она возмущена моими словами.

— Пять лет, это слишком долго, я не планирую оставаться в старых девах так долго. Прости, Ринальдина, но я не собираюсь брать пример с тебя.

Кровь резко бьет по ушам. Чувствую, как лицо загорается стыдом. Дышу. Вдох-выдох.

Ах ты ж, маленькая стервь. Ну ладно.

Так-с. Понятно.

Я еще и девственница.

Весело.

Ну ничего, это исправимо и, если что, можно проверить опытным путем.

Каким?

Я помню, как подарила свою невинность старшекурснику, когда училась в сельхозакадемии на втором курсе. Так что знаем и умеем. Но если честно, не хотелось бы проходить через это еще раз.

О боже, капризная память снова крутит цветные стеклышки, демонстрируя мне не самые приятные моменты моей жизни, а как только я хочу заглянуть дальше, снова схлопывает картинки.

Такое чувство, будто этим руководит кто-то сильный и хитрый. Мне только интересно, зачем и кому это нужно?

Глава 7

— Тогда поясни более внятно, чего ты хочешь?

Сдерживаю свои эмоции. В этом возрасте дети словно спички, загораются моментально. Не заметишь, как на пустом месте уже полыхает костер раздора.

— Я не говорила не выдавать меня замуж, я просила не выдавать меня без моего согласия, — говорит и смотрит испытывающе девочка.

Совсем юная, а уже маленькая женщина.

А до меня доходит смысл ее просьбы.

Да она боится, чтобы ее не выдали замуж против воли. Вот оно в чем дело. Я ж откуда знаю, как у них тут все устроено, и какие законы действуют при заключении браков.

Институт семьи, это вам не хухры-мухры. Брак, это дело серьезное.

Эх, кто бы говорил. Вздыхаю мысленно.

О мой бог! А я подумала, что она вообще говорит о другом.

Думаю, наверное, с минуту, взвешивая все за и против. Хотя. Ну какие тут могут быть против? Она же еще ребенок, по сути. Нет, ну не такой, чтобы в куклы играть, но для замужества еще рановато.

Как говорится, телом выросла, мозги еще зреют, догоняют.

— Ну так что? — потирапливает она меня.

— Хорошо, я согласна, — киваю и чувствую, как хватка Эделина слабеет.

— Попрошу внести это в договор, — восклицает Аделина. Старая родственница вздрагивает, и я наконец-то слышу ее голос.

— Девочка уже обещана почтенному человеку, — голос ее чистый и ровный. Никаких старческих скрипов и покашливаний. — Вы не имеете права ломать старые договоренности, которые были достигнуты с таким трудом. Странно, что вы так быстро согласились, совсем недавно, если мне не изменяет память, вы были другого мнения. Вам никто не позволит пойти на поводу у взбалмошной девчонки.

Уверенный тон дамы не позволяет сомневаться в ее правоте. А во мне просыпается азарт. Аж ладони чешутся.

Поборемся? Старая карга.

Не зря дети так настороженно к тебе относятся. Я тебя совсем не знаю, но уже чувствую опасность.

Я выслушиваю ее, поворачиваюсь к душеприказчику и секретарю.

— Сэр, мистер... Э-э-э... Господин душеприказчик, — по улыбке понимаю, что попала в правильное слово, только в какое из, не знаю. Ну и ладно, главное, что угадала, раз улыбается. — Внесите в протокол условие Аделины. Я согласна жить с детьми и принимаю на себя всю ответственность за их воспитание... И образование.

Удовлетворенно смотрю, как секретарь склоняется над бумагами и что-то быстро царапает гусиным пером по бумаге.

Плечи расправляются. Дышу ровно и уверенно. Я чувствую, что поступаю правильно.

Ну вот и ладненько. Вот и хорошо. Посмотрим чему меня научили в школе и в академии.

Секретарь откладывает перо и посыпает документ из склянки.

Кажется, песок? То ли читала, то ли даже видела такое.

— Готово, сэр. — Секретарь с пафосом передает документ душеприказчику.

Ага, значит попала с первого раза, дальше уже в молоко.

— Кхе... Кхе, — закашливается тот, опускает на нос очки и просматривает мельком документ.

Что-то он много кашляет, нужно бы ему сироп от кашля пропить, или таблеточки.

Интересно, как тут у них дела с фармацевтикой обстоят?

Я хоть и айболит, по сути, но могу и людей подлечить. Разница, конечно, есть, но если нужно, то я могу.

— Итак, согласно завещанию, городской дом подвергается описи и опечатыванию до заявленного времени с правом выкупа. Вам, леди Ринальдина Урбан, и вашим племянникам полагается сельская усадьба с фермой в окрестностях города. Теперь она ваша, так же вам причитается сумма в размере тысяча тампов в месяц на содержание фермы и на

личные нужды.

Старуха мстительно усмехается.

— А Мелиссе Транке по воле Коклеса Урбана отходит каретный двор с ездовыми драконами и три тысячи тампов единовременно.

Мелисса поджимает губы, но не выдает своих эмоций. Лишь скользит взглядом по мне и детям.

Если честно, я не понимаю, за что ей-то наследство? За какие-такие заслуги?

Но раз так решил “брат”, значит, так и должно быть.

— Интересно, — произносит она, обращаясь к душеприказчику. Пытается говорить уверенно, но дрожь в голосе выдает волнение. — Неужели это и все, что нам оставил покойный? Ни слов утешения, ни намека на богатства?

Душеприказчик лишь пожимает плечами на ее восклицание.

Она поворачивает голову в нашу сторону, зло прищуривается.

— А вы, милочка, не радуйтесь, этот дом та еще проблема, уж я-то знаю, как никто другой. Уж сколько раз просила Коклеса продать его кому-нибудь, от него одни несчастья, не зря слухи ходят, что там темные силы сплели свое кубло, оттого и Коклес жизнью поплатился, что слушать никого не хотел.

Секретарь скептически хмыкает. Дети насторожены. Я улыбаюсь. Душеприказчик смотрит на старуху через очки с

холодным безразличием.

— В завещании, составленном Коклесом Урбаном, упоминается лишь описанное имущество. — Показательно трясет он документом. — Все, что осталось. Остальное, увы.

Мелисса зло усмехается и произносит:

— Не радуйся раньше времени, милочка, — плюется старуха, — ты еще не раз пожалеешь, что ввязалась во все это. — В ее голосе звучит угроза. — Не все так просто, как кажется.

Я стискиваю зубы, стараюсь удержаться, чтобы не ответить на провокацию, но внутри у меня возникает ощущение, что воздух в зале сгущается, и плотная атмосфера словно укутывает всех.

Дышать становится трудно, чувствую, как по спине стекает ручейком холодный пот. Все тело ломит от усталости.

Путешествие между мирами не проходит для меня бесследно. Очень хочется уже прилечь. Только куда?

— Скажите, а когда мы можем отправиться... В наш сельский дом? — спрашиваю мужчин, демонстративно игнорируя старуху с дурацким драконом.

Теперь он не кажется мне милашкой. Вот что делает с человеком личная неприязнь. Проникнешься человеком и его зверушка лапочка, а как только отношения испорчены, так сразу все становится дурным. И прическа не такая, и шляпа дурацкая, и вуаль блёклая, и траур ненастоящий. Даже ни в чем неповинное домашнее животное перестает быть душ-

кой.

Хотя оно-то в чем виновато?

Мне немало животных приходилось спасать из-за распрей между хозяевами. Когда травили соседских кошек и собак, потому что их хозяин чем-то не угодил мстительному соседу.

Я ставила капельницы и кормила сорбентами, делала инъекции с витаминами и поддерживающими препаратами. Конечно, спасти удавалось не каждого пострадавшего.

Говорят, у каждого врача есть свое маленькое кладбище. У меня оно тоже было, и я помню каждую бедолагу.

Но также говорят, что со временем сердце врача черствеет, и он уже не чувствует сострадания к своим пациентам.

Не правда. Этих бедняг очень жаль, и когда не можешь помочь, глядя в эти умные глазки, когда чувствуешь свою беспомощность, такая злость возникает на несправедливый мир.

А мир несправедлив. Да. Это я уже давно поняла, и поэтому сейчас буду отстаивать права детей, не позволяя их родственнице творить беспредел по отношению к Эделину и Аделине. А поскольку я теперь неразрывно с ними связана, то и свои тоже.

— Путешествие может занять несколько дней, — отвечает секретарь. — Но как только документы будут подписаны, я смогу помочь вам с транспортом.

Они обмениваются с душеприказчиком многозначительными взглядами. Я понимаю, что они что-то скрывают, но

ничего, я терпеливая и выносливая, подожду. Детей только жалко.

Замечаю, как глаза у Эделина непроизвольно закрываются, он старается держаться, маленький, но уже мужчина.

А Адалина постоянно прикрывает ладонью зевающий рот.

Интересно, чем вы занимались ночью? Чем мы занимались ночью?

Старуха поднимается, опускает на пол дракона, но цепко держит его на поводке:

— Ты не знаешь, что делаешь. Ты не справишься с драконами. Эта ферма тебе не по зубам. Не стоит посягать на то, что может забрать жизнь.

Все взгляды обращаются к ней. В ее словах звучит предупреждение, и я чувствую, как волна тревоги накатывается на меня. В груди барабанная дробь. В кровь врывается адреналин. Делаю вдох, а выдохнуть не могу.

Драконы?

Ферма с драконами?

Какой кошмар!

Вот это новость новостей. Мне вспоминаются мощные драконы, запряженные в карету Кристиана. Их блестящие крупы, крепкие когти и пар из ноздрей. Снова мне мерещится Кристиан. Его удивительные глаза и теплые ладони. И запах. Запах настоящего мужчины.

Трясу головой, освобождаясь от соблазнительных видений.

Тогда мне даже в голову не пришло сложить два плюс два, а сейчас я начинаю понимать, куда меня занесло.

Ах, вот оно что, да я попала в драконий мир?!

Теперь бы еще зеркало найти, чтобы на себя взглянуть.

— Я справлюсь, — уверенно произношу, хотя уже не столь уверена, но не могу позволить себе сомневаться и позволить сомневаться детям в моих силах. — Мне просто нужно время, чтобы ознакомиться с фермой и ее драконами. Где подписать?

Подхожу к столу.

— Вот здесь и здесь, — подсказывает секретарь.

Смотрю в документ, буквы похожи на наши, но вчитываться нет времени. Мельком просматриваю текст, узнаю слова, продиктованные вслух. Вроде бы, все верно. Подвоха не замечаю.

А то подпишешь, не глядя, и окажешься в многолетней кабале, или останешься без жилплощади. А у меня дети.

Под внимательным взглядом душеприказчика черкаю свою роспись под документом.

Мне кажется, в комнате становится светлее, и дышать легче.

Возглас старухи меня не трогает, смотрю на душеприказчика.

— Ну что ж, вы можете вступить в наследство. — Кивает он, глядя на меня, и переводит взгляд на секретаря.

— Когда? — вздыхаю и делаю шаг назад.

— Можете прямо сейчас.

В поле моего зрения появляется Аделина.

— А вещи? Нам нужно забрать наши вещи в отцовском доме, — восклицает она.

Логично. Если мы жили в городском доме, который может отойти банку за долги, то у нас должны быть вещи. И хранятся они, судя по всему, в городском доме.

— Не волнуйтесь, все ваши вещи будут доставлены в ближайшее время.

— Нет, я хочу сама, — капризничает Аделина.

— Ну хорошо, — соглашается душеприказчик. — Давайте закончим процедуру и выполним волю Коклеса. Мадам? — обращается он к старухе. — Прошу вас!

Душеприказчик подает такой же документ старухе, и она ставит под ним свою роспись. Отворачивается от стола и смотрит на нас с презрением.

Да и плевать! Каждый получил, что хотел. Ну или мог получить.

— Уважаемые наследники, поскольку ваш вопрос решен, стороны пришли к согласию, считаю наше дело законченным.

Душеприказчик довольно потирает ладони. Я понятия не имею, сколько он заработал, но судя по довольству на его лице, немало.

Ну что ж, каждый труд должен быть оплачен. Иначе он обесценивается. Я не имею ввиду благотворительную дея-

тельность. Это совсем другое.

Мы выходим на улицу.

— Я не прощаюсь. — Старуха зло дергает поводок, и они с дракончиком удаляются от нас по улице.

Да нет, дамочка, лучше с вами попрощаться. Желательно, навсегда.

Совсем не хотелось бы еще раз с вами где-то встретиться. Неприятная особа.

Провожаем неприязненными взглядами удаляющуюся родственницу.

Дай бог тебе здоровья и денег побольше, только бы тебя не видеть.

— Идем? — обращаюсь к Аделине.

— Далековато идти, — замечает Эделин.

Моя улыбка, наверное, выглядит супер глупо. Ведь я совсем не знаю этот город, и понятия не имею, куда идти.

Глава 8

Слышу знакомое цоканье. Оборачиваюсь и, опаньки, недалеко от нас останавливается открытый экипаж. Запряженный в него пегий дракон пускает из ноздрей белесый пар.

Очень похоже на картинку из книжки про паровоз.

Получается, что у них тут существуют разные породы драконов?

Как интересно.

Мой внутренний Чарльз Дарвин начинает исследовательскую деятельность по сбору информации.

Наблюдаю, как Мелисса Транке отказывается от помощи лакея, взбирается и умачивается на сиденье. Тащит за собой упирающегося всеми лапами дракончика. Ужасная сцена. Возница щелкает кнутом, подгоняя дракона.

Они проезжают мимо, возничий в высокой шляпе смотрит прямо перед собой, следит за дорогой. Родственница, поравнявшись с нами, окидывает нас презрительным взглядом, и теперь уже, надеюсь, удаляется из нашей жизни навсегда.

— Тоже возьмем экипаж? — смотрю на хитрую мордашку девчонки.

— Нет, я придумала способ получше, — лукаво улыбается Аделина и лезет в карман.

Она достает круглый морской голыш. Я такие когда-то привезла с моря и выложила горку на клумбе на усадьбе у

сестры.

— Аделина, как ты посмела? — накидывается на Аделину брат, — Отец же запрещал прикасаться к его шкатулке.

Он возмущается громко, но сестра фыркает в ответ и трет булыжник о подол платья.

— Это принадлежало нашему отцу, значит, теперь по закону принадлежит нам.

— Но дом принадлежит не нам, а значит...

— Тоже мне праведник нашелся, а кто знает, что в том доме есть? Его же еще не описали? Нет. — Девчонка смотрит на брата с обидой и злостью. Понимаю, что если не остановить их спор сейчас, то они устроят на улицах города апокалипсис.

Аделина не молчит, продолжает говорить:

— Стряпчие придут только после того, как мы заберем свои вещи, — упрямо доказывает она брату, — а мы в наш новый старый дом заберем с собой все, что нам принадлежит.

Эделин, кажется, уже согласен с сестрой. Кивает ей, принимая ее доводы.

Я с трудом понимаю, о чем они спорят, но полностью согласна, что пока дом не описали, нужно забрать как можно больше вещей.

Аделина воровливо оглядывается по сторонам и, не заметив поблизости пешеходов, кидает на тротуар булыжник. Он отлетает со звонким стуком и начинает светиться.

А это еще что? В этом мире не только драконы живут, но еще и присутствует магия?

“Нужно быть осторожнее, — вопит мой внутренний голос. — и не забыть присмотреться к себе, вдруг я тоже обладаю сверхчеловеческими способностями, например, стала человеком-рентген”.

Какая чушь!

От камешка по кругу раскидывается искрящаяся спираль. Треск и писк режет по ушам. Спираль на наших глазах разрастается все сильнее и сильнее, превращаясь в воронку, которая, сравнившись по высоте со мной вдруг переворачивается и падает к моим ногам. Писк затихает, остается только треск.

— Ай, — с криком я отскакиваю назад. Упираюсь спиной в камень. Бежать некуда, позади стена.

— Ты чего кричишь? — с укоризной обращается ко мне Аделина. — Лишнее внимание к нам привлекать не нужно. Мы же еще несовершеннолетние, нам по закону не положено кристаллами пользоваться, поэтому, если что, это ты портал открыла, — предупреждает она меня.

Сердце стучит стаккато, готовое вот-вот выскочить из груди, подбородок, чувствую, дрожит.

Я с опаской смотрю перед собой. В глубине арки виднеется тоннель.

Не может быть... Пространственный портал... С ума сойти!

Я всегда считала, что пространственные и временные порталы, это обычные выдумки фантастов.

А сейчас стою перед порталом и боюсь в него шагнуть.

И это еще, не считая того, что я не помню, как сюда попала. Тоже, наверное, через арку.

— Ринальдина, не мешкай, — пока я замороженно смотрю на это чудо, дети уже шагнули в тоннель и тянут руки ко мне.

Я закрываю глаза и шагаю следом.

Жду головокружительные вращения и воздушные завихрения, сказочные картинки и фееричное выпадание из тоннеля.

Но ничего этого нет. Будто шагнул за порог дома.

Раз и ты в другом месте. Я открываю глаза.

Мы стоим перед высоким двухэтажным домом с колоннами по бокам от двери. По обе стороны, выложенной камешками, площадки цветы и кустарники. В вазонах пышные кусты, похожие на петунии, доносится сладкий запах и даже слышно жужжание насекомых.

— Дом, родимый дом, — с отчаянием говорит Эделин, глядя на дом.

— Не волнуйся, брат, мы вернем себе его, как только сможем, да Ринальдина? — смотрит с надеждой на меня девочка.

— Даже не сомневайтесь, — отвечаю и поднимаюсь по ступенькам к высоким входным дверям.

Зеркало, дайте же мне, наконец, зеркало. Мне срочно

нужно увидеть себя.

Я ищу на двери какое-нибудь подобие дверного колокольчика или кнопку звонка, но ничего не нахожу, и поэтому нервно дергаю ручку.

— Ринальдина, подожди, дай двери открыться, — оставливает меня Аделина.

Но я продолжаю дергать, пока дверь наконец открывается, и мы входим в дом.

Отмечаю сразу. Тишина. Порядок и чистота.

В прохладном помещении становится легче дышать.

По привычке начинаю разуваться и слышу тихий смешок за спиной.

У них что, ходят по дому в уличной обуви?

Понимаю, что в таких домах не принято ходить босиком.

Но тогда подайте домашние туфли. Если я живу в этом доме, то такие наверняка здесь имеются.

Мои ноги непривычны к обуви на каблуках, из-за специфики работы: побегай с утра до вечера по клинике, останешься без ног.

Поэтому я всегда носила обувь на низком ходу, и только при походе в ресторан могла позволить себе шпильки.

Увы и ах. Смотрю по сторонам и не вижу ничего хоть отдаленно напоминающего гардеробную или обувную полку.

Ладно. Проехали. С чувством досады уговариваю себя: это все равно пока уже не наш дом.

Ищу зеркало. Ура.

Зеркало находится практически сразу. Высокое, от пола до потолка, с яркими светильниками по бокам, оно занимает весь простенок перед входной дверью. Из бокового окна просматривается внутренний дворик с цветами и фонтаном.

Ну что ж, сами напросились.

Не снимая уличную обувь, парусиновые туфельки на низком каблуке, я шагаю через просторный холл к старинному, в резной деревянной раме, зеркалу и прилипаю к нему.

Да я красotka!

Смотрю в карие глаза с восточным разрезом.

О мой бог!

С такими ресницами у меня взгляд испуганного олененка, которого хочется защитить.

Теперь я понимаю почему так завис тот красавчик.

Милое узкое лицо с прямым носом и пухлыми алыми губами.

Мне нравится мое лицо!

Поправляю пышные длинные локоны каштановых волос. Отмечаю про себя гладкие здоровые волосы.

Холодный металл замысловатых сережек с камешком холодит пальцы.

Интересно, это серебро или золото?

Мое декольте и округлые полушария против тех, что были у предыдущего тела, вообще, не идут ни в какое сравнение. Я даже одно время в угоду своему мужчине подумывала импланты вставить в свой почти нулевой, но, учитывая мои

биологические познания, побаивалась это делать.

Я всегда была за здоровый образ жизни.

Почему была? И есть.

Платье отлично смотрится на женственной изящной фигуре. Кручусь вокруг перед зеркалом, обхватив талию пальцами. Пытаюсь рассмотреть и сзади.

Да я стройняшка! И задница у меня зачетная: “табуреточкой”. Такую мужчины любят. Сколько раз замечала, как мой бывший на улице провожал заинтересованным взглядом такие фигурки.

Уж он бы у меня сейчас попрыгал козликом!

Да ну его в пень! Все, начинаю новую жизнь!

А еще я моложе. Как минимум вполовину моего возраста по паспорту. В душе, говорят, все остаются молодыми. Вот и я в свои тридцать восемь совершенно не чувствую себя взрослой, состоявшейся женщиной. Ну если только чуть-чуть.

— Все твои странные приземления влияют на тебя, — возвращают меня на землю слова Аделины. — Ты с каждым разом становишься все лучше и лучше.

— В смысле с каждым приземлением? А что, были еще полеты?

— Были. — кивает Эделин.

— И сколько их было? — Смотрю на детей и вижу их задумчивые лица.

— Это третье, — говорит Аделина и идет вглубь дома.

— А прошлые? Я ничего не помню, расскажите мне. —
Хватаю за руку Эделина. А то вдруг тоже убежит за сестрой.

глава 9

— Ринальдина, нам нужно собирать вещи и поскорее отправляться в другой дом, — с укоризной заявляет мне Эделин. — Давай уже потом расскажу, а?

В его глазах усталость и мольба.

Такой маленький, а уже такой сообразительный и понятливый.

— Ну расскажи хотя бы первый случай, ну в двух словах можно? — Теперь уже прошу я. — Может, я вспомню все остальное сама.

Он вздыхает так тяжело, будто я заставляю его носить кирпичи.

— Ну ладно, — наконец соглашается и начинает рассказывать: — Четыре месяца назад тебе взбрело в голову залезть на крышу магической академии и прыгнуть с нее. К счастью твое падение заметил проходивший мимо маг, он вовремя успел поймать тебя и приземлить на повозку с сеном. Но ты тогда так долго плакала и вспоминала какую-то бабушку. Потом успокоилась и даже повеселела.

— А второй?

— Второй... — Эделин замялся, посмотрел на меня с грустью и вздохнул. — Ты не отстанешь, да?

Машу головой в разные стороны.

— И?

— Второй раз ты чуть не утонула в лесном озере недалеко от фермы, тебя затянуло в водоворот, но рядом оказался лесник, он тебя и спас.

— И я снова плакала? — Я повернулась и взглянула на себя в зеркало.

Ну надо же, такая красotka и такие странные поступки.

Что бы это значило?

Мы встретились в зеркале взглядами с Эделином. Видимо, Эделин увидел в моем лице что-то такое, что заставило его продолжить наш разговор.

— Да, только вспоминала о своем возлюбленном, который тебя оставил, — ответил Эделин с улыбкой, но взгляд его был серьезен. — А теперь, — продолжил он, — как только ты пришла в себя, ты стала той, нашей Ринальдиной, любящей и верной, только еще непреклонной и принципиальной. И мне это очень нравится. Этот случай с твоим попаданием под когти драконов третий и, надеюсь, последний. Потому что меня очень даже устраивает этот вариант, прежняя Ринальдина не захотела ехать с нами в наш сельский дом.

Я прикусила губу, стараясь вспомнить хоть что-то. Нет. Ничего. Память не спешила открывать мне мои тайны.

Из комнаты показалась Аделина.

— Да, меня тоже вполне устраивает. Я рада, потому что в прошлый раз ты собиралась выгодно отдать меня замуж, чтобы покрыть папины долги, а сельскую усадьбу с фермой просто уступила бы за три тампы жадному и весьма непри-

ятному соседу.

Да тут налицо мировой заговор!

Неужели эти милые дети каким-то образом связаны с тем, что со мной произошло?

Не очень верится, но кто знает?

Эделин обхватил меня, прижавшись щекой к животу.

— Я сильно переживал, — хлюпнул он носом, — как хорошо, что ты у нас в порядке.

“Значит, я любительница экстрима, это понятненько. И мне стоит быть осторожней, потому что кто знает, может хозяйка тела делала это под магическим воздействием недрюгов”.

Эделин улыбнулся, словно услышал мои мысли.

— В следующий раз, когда тебя потянет к экстриму, просто запомни: прыгать — это хорошо, а приземляться — лучше. Помни, что в любую минуту рядом есть те, кто поддержит.

Я это сказала вслух? Откуда в лексиконе мальчика слово “экстрим”?

Я почувствовала, как в душе у меня зарождается надежда.

Быть может, именно благодаря этим странным событиям я найду свой путь?

“Неужели впереди меня ждет увлекательное приключение? — думала я, глядя на детей. — Где мои волшебные тапочки?”

Только что я буду делать с драконами?

А может, не так страшен черт, как его малюют?

К нам подходит Аделина. В ее глазах плещется тревога.

— Ты же не передумаешь? Правда? Ты же выполнишь все, что обещала?

Ее слова наполнены страхом за будущее. Я чувствую эту девочку.

Все-таки, как часто юные неокрепшие души зависят от того, кто будет рядом с ними, кто подскажет, направит, подержит, не упустит.

Понимаю, что должна быть сильной ради них. Даже в этом чужом для меня мире мне нашлась непростая роль.

Я обнимаю детей, прижимая их к себе, и стараюсь сдерживать слезы, которые подступают к горлу. Никто не должен видеть моего страха, даже они.

— Что бы ни случилось, мы будем вместе, — шепчу я им.
— Я не оставляю вас.

— Ринальдина, может, тебе помочь собрать вещи? — Думаю, из приличия спрашивает меня Аделина, провожая взглядом, скрывающегося за дверью своей комнаты Эделина.

— Буду премного благодарна, — чувствую, словно от души отлегло, потому что я уже заволновалась, не зная, что мне делать дальше в таком огромном доме.

Бедная девочка даже не догадывается, как выручает меня своим предложением помощи.

Я же впервые нахожусь в этом доме и понятия не имею,

где находится моя комната.

Я даже не знаю, вообще, в какую сторону мне идти.

Кстати, еще один вопрос меня волнует: дом не маленький, по квадратным метрам, даже на глазок больше моей квартиры раза в четыре, а кругом идеальная чистота. У них тут по идее должен находиться целый штат прислуги, а никого не видно.

Или у них тут так заведено, или в этом мире так хорошо развита система клининга?

Жуть как любопытно! Но спросить опасаясь.

Надеюсь, как-то само проявится, а если нет, то уже и ни к чему. Мы все равно покидаем этот дом.

Но потерять такую недвижимость, конечно, жаль. Очень жаль. И посоветоваться, что можно сделать в такой ситуации, не с кем. Все мои юристы и адвокаты остались где-то в той жизни.

Все-таки, это неплохое наследство для двух осиротевших детей.

Мы проходим по коридору с дубовыми панелями. Аделина без усилий открывает тяжелую резную дверь и проходит в комнату первая.

— Ну вот, — вздыхает она в проходе и печально осматривает комнату. — Знаешь, что, Рина, ты пока вещи достань из шкафа, а я схожу за сундуком.

Она разворачивается и выходит. А я остаюсь одна и осматриваюсь. Снимаю туфли у порога и прохожу внутрь.

Мне нравится “моя” комната.

Стандартная старинная мебель: кровать под балдахином со стопкой подушек и подушечек, плательный шкаф у стены, расписанный стилизованными цветочными букетами, прикроватная тумбочка с живыми цветами в вазе.

А шторы какие веселенькие, и ковер на полу ручной работы приятен ногам. В горшке у шкафа комнатное растение, похожее на наш фикус. Прикольно. И главное, все в едином сиреневом цвете. Ну хоть немного наши вкусы сходятся с этой странной Ринальдиной.

Я увидела все и сразу, только любоваться некогда. Нужно собирать вещи.

Распахнула дверцы и вздохнула.

В шкафу висят одни платья, на полке сложены стопкой чулки тельного цвета, одна пара таких сейчас на мне. Несколько комплектов белого нижнего белья из кружевных панталонов и нательных рубаш.

Сплошная милота.

Гардероб кисейной барышни.

В нижнем ящике обнаруживаю обувь: пара туфель, ботиночки, сапожки и комнатные шлепанцы. Негусто.

Мда, чувствую, что с одеждой у меня будет напряг. Ни одного брючного костюма, спортивных штанов или чего-то подобного.

Убиться и не жить.

Тьфу-тьфу-тьфу. Хочу жить. Очень хочу жить. Я люблю

свою жизнь, люблю.

Ну ничего, вспомню школьный кружок “Кройки и шитья”, где нас учили кроить и перекраивать, шить разные вещи: фартуки, ночные сорочки и даже блузки. Брюки шить я уже научилась сама.

Ну и что мне делать с этим добром? Вываливать на кровать или подождать, когда мне принесут сундук?

Решаю подождать. Сажусь на кровать и откидываюсь на подушки.

Какая благодать! Так приятно гудит все тело, расслабляются ноги и руки, наконец-то дождавшись горизонтального положения.

Наслаждаясь, я потягиваюсь и закрываю глаза. Лишь на мгновение.

И вижу картинку.

Я выскакиваю на улицу. За спиной щелкают стеклянные двери. Кроссовки пружинят по тротуару. Мое сердце готово выскочить из груди. На глаза наворачиваются слезы. Сажусь за руль припаркованной рядом машины. (У меня есть автомобиль?) И еду в неизвестном направлении.

Руки трясутся, ноги проскальзывают мимо педалей, я начинаю психовать на светофорах, матерюсь. Наконец выезжаю за черту города. Мне нужна скорость, так я прогоняю из головы боль и обиду. Через дорогу бежит пес, обычная дворовая бродяжка. Я резко жму на тормоз, машину заносит, и я вижу своими глазами, как переворачивается автомо-

биль, срабатывают подушки безопасности. Вспышка боли. И наступает темнота.

— Ринальдина, проснись, — слышу знакомый голос. — Через час приедет секретарь.

— Зачем? — еще не очнувшись от видений, задаю встречный вопрос.

О мой бог! Какая нелепая смерть. Я всю жизнь лечила породистых кошек и собак, а погибла из-за какой-то бродячей дворняжки?

Горечь и досада заполняют грудь. Открываю глаза. Аделина ставит у шкафа сундук. Рядом с кроватью стоит Эделин.

— Он поможет нам добраться домой, — отвечает он вместо сестры.

Глава 10

— А сами мы никак? — говорю, а самой уже интересно: этот секретарь вообще кто?

Почему он так быстро умеет преображаться? Он трансформер? Или маг-иллюзионист? Вообще, странный тип, загадочный.

Лежу, раскисла, никак не могу собраться и подняться с постели. Мысли лениво гуляют в слегка отдохнувшей голове.

Я так и не поняла, это видения меня посетили, или сон во время недолгой дремоты?

Подумать мне не дают. Громко хлопает крышка дорожно-го сундука. Аделина напряженно смотрит на мой шкаф.

Ясно, я задерживаю общие сборы.

С усилием приподнимаюсь, смотрю с сомнением, поместится ли в такой небольшой сундук все то барахло, что я увидела в платяном шкафу.

Аделина недовольно ворчит:

— Нет, мы никак не можем отправиться в усадьбу сами, — заявляет она, — это далеко, нужен кристалл помощнее, к тому же нам нужно экономить кристаллы, их не так много у отца. Грех не воспользоваться предложением переместиться домой за королевский счет. И нам еще нужно чем-то жить, пока мы найдем новый источник дохода.

Какая расчетливость! Мне бы такого бухгалтера в клини-

ку, да мы бы горя не знали! Хотя я и на своего не в обиде.
Вопрос номер 3: В каком городе родился Антоша Чехонте?

Ссылка на блог: <https://litnet.com/shrt/AxoC>

Интересные эти кристаллы, нужно будет узнать спектр их применения в быту. Да и вообще во всем. Это местная валюта? Или имеются и простые деньги?

Сплошные вопросы. И как это узнать? Как же все сложно!

Очень хочу спросить Аделину: А есть возможность приобрести эти магические камни где-то?

Но фразочка про источник дохода отбивает всякое желание. Я понятия не имею, чем можно заработать в этом мире.

Ну не в древнюю же профессию идти? Это точно мимо.

А вот нужны ли им здесь айболиты, это мне еще предстоит узнать.

Я хорошо знаю свое дело, нет, я отлично знаю свое дело, я профессионал. Но вот смогу ли найти применение своим знаниям и умениям, это другой вопрос.

Я молча собираю вещи в сундук. Сразу присматриваю два платья из плотной ткани, похожей на наш трикотаж.

“Из вас я себе сошью брюки и шорты”, — принимаю мысленное решение.

Как ни странно, вещи помещаются, и крышка захлопывается без проблем. И сам сундук не такой и тяжелый. К тому же с ручкой и на колесиках, прямо как мой дорожный чемодан для командировок.

Наверное, мы смотримся бедными родственниками, когда

выходим на улицу со своими сундуками. Яркое солнце слепит так, что я не сразу замечаю того самого секретаря.

Выглядит он снова несуразно. Опять перед нами старик еще и с красными глазами, как у вампира. Что за тип?

Аделина поправляет волосы и уверенно шагает к секретарю. Мы с Эделином тянемся следом. Стараемся не смотреть на секретаря, который стоит у ворот.

Я не могу сдержать любопытство. Этот человек, невозмутимый, с загадочной улыбкой и странными манерами, кажется мне неким застывшим образом из мира, где реальность переплетается с магией.

— У него невероятная способность менять облик, — говорю тихо Эделину, пока идем. — Явно не просто секретарь. Я думаю, он скрывает гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

Эделин лишь пожимает плечами, явно не заинтересованный в обсуждении наших «знакомых». Он задирает голову и прикладывает ко лбу ладонь. Взгляд его устремлен куда-то вдаль.

— Как здорово! — внезапно восклицает Эделин и тычет пальцем в небо. — Это драконы, боевые! Когда я вырасту, обязательно стану наездником! И обязательно буду служить в королевском полку у генерала Кристиана Ормандо.

О мой бог! Глаза мальчишки светятся слепым обожанием. Кажется, он даже не дышит, любуясь драконами.

Как я его понимаю!

Я тоже вела себя так, когда читала на сайте списки поступивших в сельскохозяйственную академию на ветеринарный факультет.

— Мечтай, мечтай! — мельком взглянув на парящих в небе драконов, насмешливо говорит Аделина.

Я тоже устремляю взгляд вверх.

У меня захватывает дыхание от представшего перед глазами зрелища. Два десятка мощных черных дракона с войнами на спине приближаются к тому месту, где мы стоим и глазеем, раскрыв рты.

Вернее, это мы с Эделином глазеем, а Аделина недовольно фыркает.

Нет в ней той романтики, что роднит нас с мальчишкой.

Драконы прекрасны.

Всегда чувствовала трепет при виде парящих в вышине орланов, когда ездила в степную зону в гости к сестре. А здесь настоящие драконы.

В воздухе слышен звук биения множества сильных крыльев.

Вибрация от синхронных движений достигает земли, и я чувствую резкое колебание воздуха. Меня пробирает дрожь. Ноги немеют, и я не в силах шагнуть. Лица касается ветер, сдувает волосы с моего лба.

Драконы приближаются. Их путь лежит как раз над нашими головами.

Я восхищена!

Не могу отвести взгляд от великолепной картины.

Какая красота, какая грация, какая мощь!

Каждый взмах крыла сопровождается громким свистом и рычанием огромных монстров.

Да с такими вряд ли кто-то захочет состязаться.

На спинах в специальных седлах восседают всадники в блестящих доспехах и крепко держат уздечки.

Один из драконов опускается чуть ниже остальных.

Мне становится страшно, когда он поворачивает злобную морду в нашу сторону и ощеривается.

Его пасть далеко, но будто рядом. Чернеет драконье нёбо, белеют крепкие зубы.

Наездник кричит на дракона и сжимает бока. Острые шпоры на сапогах причиняют дракону боль.

Мне кажется, я слышу, как клацают зубы несчастного животного. Всадник заставляет дракона подняться выше.

Дракон ревет так громко, что я затыкаю уши.

Я слышу его отчаяние, и не приемлю подобное обращение с животными.

Никогда не любила ипподромы именно из-за того, что там обращаются с лошадьми подобным образом, и обидно, что животные ничем не могут ответить человеку. Могут лишь выполнять его волю.

Во мне растет волна негодования. Я сжимаю с силой кулаки. Чувствую, как к лицу приливает кровь. По телу волной прокатывается озноб.

Нет на вас наших защитников природы. Вы бы узнали, как нужно обращаться с драконами.

Еще один из драконов делает над нами круг. Из его пасти вырывается синее пламя. На дорогу стремительно опускается столб огня. Воздух наполняется жаром. Искры разлетаются по улице, я невольно отступаю назад. Замираю в страхе, не в силах отвести взгляд от захватывающего зрелища. Чувствую легкое покалывание на коже.

Дракон, у которого вырывается огонь, кажется величественным, даже когда его тело изгибается от боли и страха. Наездник безжалостно направляет дракона вслед за остальными.

— Это не нормально, — возмущаюсь, глядя на Аделину.

В ее глазах насмешка, как будто и не было жестокости, что мы только что наблюдали.

— Нормально или нет — не имеет никакого значения, — говорит она. — Это их природа. Они привыкли к такой жизни. И никто не вправе вмешиваться в отношения драконов и их наездников. Их связь священна.

Должно быть, она права, но сердце моё не успокаивается. Я видела, как один из драконов взвился вверх, стремясь вырваться из рук всадника, и тут же был возвращен в строй.

Драконы не должны страдать из-за жестокости своих наездников!

Секретарь бросает на меня долгий взгляд, полный непонимания. Я понимаю, что мой мир тоже полон жестокости

и насилия, но не могу вспомнить, когда мне хотелось защитить тех, кто не может защитить себя.

Мы останавливаемся около секретаря.

Аделина продолжает воспитывать брата:

— Видел? — кивает она на удаляющихся в сторону королевского дворца драконов. Что это королевский дворец, нет никаких сомнений. Шпили взмывают выше облаков, сверкая позолотой крыш. — Для того, чтобы суметь управлять драконами, придется очень много тренироваться. Они такие могучие и непредсказуемые! Ты хоть знаешь, сколько времени нужно, чтобы приручить боевого дракона?

Эделин энергично кивает:

— Я слышал, что нужно воспитывать своего боевого дракона с маленького возраста, тренировать его и себя, сроднясь душой. И тогда такая пара будет непобедима!

— Звучит увлекательно, — говорит секретарь. Он все это время внимательно наблюдает за нами. — Но это очень опасно. Представь, что дракон вдруг взбесится и унесет тебя высоко в небо? Или ослушается и станет посылать направо и налево огонь! Это очень опасно!

Эделин никого не слышит, он, задумавшись, мечтательно вздыхает:

— А как здорово летать на драконе над ущельями и реками! Я бы сумел приручить дракона и заставить повиноваться мне!

Я слышу в голосе Эделина не только мечтательность, в его

голосе звучить решительность и уверенность, и я верю, что это именно то, чего он желает добиться в жизни.

Решительный мальчик!

Откуда у меня убежденность, что я сумею ему помочь осуществить свою мечту?

Я считаю, что человек вполне способен достигнуть того, к чему стремится, главное, очень сильно этого желать.

Как говорит моя сестра: "Вижу цель, не вижу препятствий. Только так можно добиться многого".

— А когда встретишь других наездников? — замечает секретарь, подмигивая. — Представляешь, как круто будет состязаться с ними?

Эделин улыбается, его глаза сияют от восторга:

— Да! Я буду самым лучшим наездником! Мы сможем летать вместе и защищать наш мир от опасностей!

Секретарь смотрит на Эделина с одобрением.

Аделина недовольно фыркает:

— Не нужно тешить себя несбыточными надеждами. К тому же найти породистого драконенка, чтобы вырастить из него настоящего боевого дракона, задача практически невыполнимая. Служить в драконьей эскадрилье не каждому по силам. И вообще, давайте не будем сейчас об этом. Я хочу уже наконец отдохнуть. У меня не было возможности даже присесть.

Ах ты ж маленькая язвочка. Это ты в мой огород камешки

кидаешь! Ну погоди у меня, возьмусь я за твое воспитание.

— Мистер... Э-э-э... Может, уже отправите нас домой?

— Конечно, юная леди, — глухо отвечает секретарь и кидает на землю булыжник.

Глава 11

Переход в другое пространство почти не отличается от перемещения к городскому дому Урбанов.

Мы также ступаем в портал, перешагиваем через порог и оказываемся в другом месте. Разница лишь во времени. Когда я пересекаю границу, оказываюсь на пару секунд словно внутри замедленной съемки кинофильма. Картинки плывут медленно, и я успеваю заметить очертания города и гористый пейзаж. И солнечный диск перемещается еле-еле, падая почти за горизонт, цепляясь за макушки деревьев.

Красиво! И завораживающе.

Напоминает панораму, которую я когда-то наблюдала во время поездки в горы. Но я не успеваю полюбоваться и насладиться местными красотами, все исчезает в туманной дымке.

“Ну, ничего, еще успею”, — мысленно успокаиваю себя.

Портал закрывается за спиной с громким хлопком. Я оборачиваюсь, но успеваю заметить только легкое пыльное облачко и тонкую светящуюся линию арки, напоминающую о нашем переходе.

Дети стоят рядом. Аделина поправляет непослушные волосы, Эделин озирается по сторонам, будто кого-то ждет.

— А секретарь, он где? — растерянно потираю лоб левой рукой. В правой крепко держу за ручку сундук. Я почему-то

решила, что нас будут сопровождать хотя бы до порога дома. Ошиблась. — Понятно. Он нам тут не к спеху, сделал свое дело и адью? — Отвечаю сама себе вопросом на вопрос, заметив на лицах детей недоумение.

Нужно следить за своей речью. Я могу сыпать словечками из своего мира, а у них тут свой активный лексический словарь. Не нужно привлекать к себе излишнее внимание специфической речью.

Оглядываюсь по сторонам. Перед нами обычные деревянные ворота. К ним ведет дорожка из серого бута. За воротами, в глубине двора, деревенский двухэтажный дом.

Обычный, деревянный, слегка покосившийся, но взгляд не оторвать. Он весь утопает в цветах. Балюстрада на балконе второго этажа оплетена вьющимися ветвями, похожими на розу, кругом кашпо с пышными яркими кустами.

Красота!

— Наконец-то мы дома, — вздыхает Эделин и направляется в калитку первым. Аделина возится со своим сундуком где-то за спиной.

А я стою столбом. Сладкий аромат разносится вокруг, хочется просто закрыть глаза и дышать, дышать, дышать.

Что я и делаю. Закрываю и дышу, дышу, дышу. Чувствую легкую примесь чего-то знакомо-кислого.

Ах, да!

Вспоминаю, что где-то здесь должна быть ферма, это ее “легкий аромат” добавляется к вкусному цветочному.

Запашок еще тот! Я тру нос, но не из-за брезгливости. Нет.

Ну извините, это в торговом центре в мясном отделе мясо не пахнет, а там, где его выращивают, еще как пахнет.

Легкий ветерок быстро уносит знакомый флер, и снова пахнет цветами.

О мой бог! До меня только сейчас начинает доходить весь ужас моего положения. Я вспоминаю дракончика Мелиссы Транке, и мне становится плохо.

Обмахиваю ладонью горящее лицо. До климакса мне еще далековато, учитывая, что я в новом молодом теле, да я и в старом еще молода была, а вот прилив к лицу пугает.

Мда, молодая была не молода!

Если это драконий мир, то где люди берут мясо, молоко и яйца? И вообще, чем они питаются? Драконами?

Ну хорошо, яйца объяснимы, эти животные относятся к пресмыкающимся, а с яйцами у этих проблем нет, а вот все остальное вызывает у меня сомнения. Хотя. яичницу или омлет из таких яиц я вряд ли стану есть.

Впрочем, мои сомнения тут же улечиваются.

Аделина громко восклицает:

— Как всегда, мимо них никто не проскочит. Эделин, глянь!

В щель под калиткой протискиваются две курицы и петух. Две курицы и петух!

Ура! Ну хоть продукты в этом мире, судя по наличию кур,

должны быть обычные, но вот где они берут молоко, и мясо, пока не понятно.

Надеюсь, что раз есть куры, то и коровы или козы найдутся, а что делать с поросятами я еще помню. лишь бы они были: месяц назад я ездила в гости к сестре и попала на плановую кастрацию молодняка. Зять как специально подгадал под мой приезд, а отказать в помощи я, как всегда, не посмела.

Так что, если в этом мире водятся свиньи, то мне придется вспомнить все, что касается ухода и лечения этих животных. Не всегда же я занималась кошечками и собачками.

Делаю пару шагов к калитке первой и останавливаюсь.

— Добрый день, леди Деборд и леди Ормандо, — слышу у себя за спиной и оборачиваюсь.

Ну надо же! Тут еще кто-то живет. В такой глуши.

Из-за куста с красными ягодами, отдаленно напоминающими шиповник, выходят две старушки.

Такие, которых ну никак не назовешь женщинами, таких, скорее, только дамами можно величать.

В шляпках с широкими полями, закрывающими лица от солнечных лучей, длинных прогулочных платьях и, о мой бог! в ажурных перчатках.

Только кружевных зонтиков от солнца не хватает для полного счастья.

Старушки, с их внешностью, нежностью и утонченностью, создают атмосферу сказки в этом необычном мире.

Но самое неожиданное в другом. От умиления улыбка растягивает мой рот.

Какая прелесть!

Дамочки выгуливают свою живность!

И не каких-нибудь там кошечек-собачек. Нет.

Дракончиков!

Дракончики, эти миниатюрные создания с яркими крылышками, кажутся ожившими игрушками из детства.

Я как будто оказываюсь в мире фантазий.

Дракончики не топают по тропинке, а летят впереди старушек, смешно махая крылышками.

У одного дракончика на голове красуется розовый бантик. Девочка? Этот бантик добавляет игривости ее хозяйке.

Как же похожи во всех мирах традиции. Розовенькое — девочкам, синенькое — мальчикам.

Второй дракончик явно принадлежит к мужскому полу, потому что летит в синих шортиках. И это выглядит так комично и забавно.

Само очарование!

Старушки не просто выгуливают своих дракончиков, но, кажется, и сами откровенно наслаждаются этим процессом, участвуя в их игривых проделках. Улыбки на их лицах, несмотря на глубокие морщины, излучают искреннюю радость и юношеский задор. Нежный смех дамочек наполняет воздух теплом.

Какие еще неожиданные сюрпризы ждут меня в этом ми-

ре? Фантастический пейзаж за деревьями я уже оценила.

Но все меняется, как только в их поле зрения попадаю я.

Они останавливаются посреди дорожки, кажется, раздумывают, идти дальше или вернуться назад. Переглядываются и перестают улыбаться. Их губы как по команде сжимаются в тонкую линию, глаза презрительно прищуриваются.

Кажется, что их лица становятся каменными, как будто они сговорились не показывать никаких эмоций. Я чувствую, как между нами появляется напряжение. Даже шёпот ветра звучит угрожающе, словно природа тоже замечает эту перемену.

Мне становится не по себе. В груди появляется неприятный холодок, но у меня нет сил отступить.

Что я им сделала? Или не я, но все равно.

Я встаю перед ними, улыбаясь. Набираю в легкие побольше воздуха и на выдохе, стараясь сохранить уверенность в голосе, приветствую дамочек:

— Добрый вечер! — произношу я, стараясь говорить спокойно, как будто не замечаю их холодного взгляда.

Тишина ненадолго окутывает нас, а потом одна из старушек делает шаг вперед. Я вижу, как ее губы искривляются в саркастической усмешке:

— Здравствуйте, Ринальдина, вот уж не ожидала вас увидеть в нашей глухомани, — чопорно говорит она. И последнее слово произносит с особым ударением.

— Да, действительно, не так часто здесь увидишь знако-

мых, — вежливо отвечаю нейтральной фразой, стараясь не обращать внимания на тон собеседницы.

Она осматривается вокруг. Мельком смотрит на детей.

— Как вы здесь оказались? — интересуется она, наморщив и без того морщинистый лоб.

Ее компаньонка притягивает к себе своего дракончика, скрещивает руки на груди и сердито произносит:

— Не всем дано жить в большом городе.

— Верно, — киваю в ответ.

Я не знаю, что еще сказать. Между нами повисает неловкая пауза, и воздух словно наполняется холодом, исходящим от недоброжелательности собеседниц. Первая тоже притягивает к себе своего дракончика.

— Надеюсь, у вас все в порядке? — обращается она к Аделине.

— Да, все хорошо, — отвечает Аделина. — Теперь все хорошо, — добавляет с многозначительным видом и смотрит на меня.

— Рады за вас. — Старушки проходят мимо и продолжают прогулку.

Смотрю им вслед, и неприятный холод расплзается и плюхается тяжелым комком на дно желудка.

Мы наконец входим на высокое крыльцо, останавливаемся. Все-таки сундуки тяжеловаты при всей прелести колесиков.

Я понимаю, что между хозяйкой моего нынешнего тела и

старушками произошло что-то нелицеприятное. Но вот что?

Кого бы об этом расспросить?

Оглядываюсь и застываю. Ну скажите, скорее, что мне это показалось?

Вдалеке, между холмов, замечаю, как ветер трепыхает знакомые черные плюмажи.

И в закатных солнечных лучах блестит потная кожа черных драконов. Золотом сверкает карета, в которую они запряжены.

Глава 12

Кого бы об этом расспросить?

Оглядываюсь и застываю. Ну скажите, скорее, что мне это показалось?

Вдалеке, между холмов, замечаю, как ветер трепыхает знакомые черные плюмажи.

И в закатных солнечных лучах блестит потная кожа черных драконов. Золотом сверкает карета, в которую они запряжены.

Скажите, пожалуйста, что здесь забыл такой знатный господин, который вхож даже в королевский дворец? И как так случилось, что мы сюда добирались через портал, а он на драконах, а это значит, его путь по времени должен быть длиннее, а мы оказались в этой местности практически одновременно?

Что там говорил секретарь? Займет несколько дней?

Что-то, глядя на этих “рысаков” и их хозяина, не очень-то верится, что эта усадьба находится далеко в провинции, а не в близком пригороде столицы.

Думать долго об этом мне не дают.

— Мам, можно я снова переселюсь в комнату на втором этаже? Ту, что с балконом? — умоляюще смотрит на меня Эделин.

— Зачем тебе с балконом? Чтобы незаметно сбегать из до-

ма с этим несносным Давилем? — язвительно замечает Аделина, делая ударение на первый слог в имени.

— Не Давилем, а Давиелем, — показывает язык и дразнит сестру Эделин.

Замечаю, как у Аделины румянятся щеки, она недовольно фыркает. — Какая разница, как зовут этого лентяя, с кем поведешься, так тебе и надо. Ринальдина, — поворачивается она ко мне, — я очень тебя прошу, запрети водиться Эделину с соседским мальчишкой. Я считаю, что этот Давиль дурно на него влияет, — упрямо называет она неизвестного ребенка неправильно.

— И чего это он на меня дурно влияет, — вмиг вспыхивает Эделин, — и ничего не дурно, нормально мы влияем друг на друга, а если я не захотел белье за тебя развесить на веревках за два тампа, так это твои проблемы.

— Да, для него видите ли два тампа не деньги, пять ему подавай, бездельник, и друг твой лентяй, видеть его не хочу в нашем доме. — Аделина гневно топает ножкой по крыльцу.

Аделин прячется за мной, обхватывает сзади за руки, выглядывает из-за моей спины и продолжает дразнить сестру.

— Мам, отдай ее замуж, пожа-а-а-луйста, только поскорее, за первого встречного, пока она нам всю кровь не вскипятила.

Наблюдать за милыми перепалками Аделины и Эделина занято.

Чувствую, меня ждет веселье с такими детками.

Ну, а что? Не носила, не рожала, готовые достались, воспитывай: не хочу.

Как там: четыре сыночка и лапочка дочка?

Этот мальчишка точно троих стоит, ну или двоих точно.

Милая перепалка продолжается, дети словно играют в пинг-понг, перекидываясь фразочками, только я чувствую напряженность и боюсь, что она может перерасти во что-то большее, чем простая дразнилка.

Замечаю слезы на глазах Аделины. Точно.

Тема замужества этой девочки всплывает уже не первый раз, значит, тут какая-то собака порылась. Нужно держать ухо востро.

— Еще чего! — взрывается Аделина. — Если меня замуж, то тебя в приют мадам Гюрзо! — выплевывает она угрозу и делает шаг в сторону брата.

— Замуж! Замуж! За мистера Хойна тебя отдать замуж! — Эделин приставляет пальцы к носу, показывает “Буратино” и начинает прыгать перед сестрой. Дразнит ее.

Ах ты ж, мелкий негодник!

Здравый смысл подсказывает мне, что в их ссору пора вмешаться. Это уже совсем не смешно.

— Эделин! Прекрати сейчас же! — хватаю его за руку. — Это же твоя сестра, твоя родная кровиночка, как ты можешь такое ей желать?

— А пусть она первая не начинает и не лезет в мое личное пространство, — сопит недовольно Эделин, но подчиняется,

перестает прыгать и дурачиться. — Это мой лучший друг, и я не собираюсь с ним ссориться, потому что он не нравится тебе, — корчит он сестре рожицу.

— Так. Стоп. — гаркаю на обоих. Все-таки моя руководящая практика и командный голос хоть в чем-то здесь пригодились. — Сейчас входим в дом, расселяемся по комнатам. Эделин наказан. Если через два дня я замечаю хорошее поведение, то ты поселяешься в комнате с балконом. А пока выберешь себе другую комнату.

Командую, не имея ни малейшего понятия, сколько в доме комнат, и вообще, как все устроено, но, кажется, попадаю в точку.

Именно так моя сестра умирят своих детей. Просто лишает самого необходимого — телефона.

Я еще не знаю болевых точек этих детей, но сейчас, кажется, угадала.

Только дети почему-то смотрят на меня удивленно.

Что не так? Заходим. — Открываю дверь и киваю слегка оторопевшим детям.

Проходят мимо молча, только замечаю в глазах Аделины торжество.

Ну как же, победа в этом раунде осталась за ней. Но чувствую, будет и второй, и третий, и пальцев не хватит сосчитать.

Я вхожу следом и оборачиваюсь, чтобы закрыть дверь.

Знакомые драконы промчались по дороге, протащили ми-

мо карету, мелькнувшую черно-золотыми боками, подняли облако пыли.

А карета не такая уж и золотая, или просто запачкалась в дороге.

Отмечаю про себя сей факт и закрываю дверь.

Как только оказываемся в доме, дети сразу же несутся наперегонки на второй этаж по широкой деревянной лестнице с поручнем, прилепившейся сбоку у стены. Пыхтят и мило переругиваются.

— Я хочу в синей комнате жить! — восклицает Эделин.

— Обойдешься, она всегда моя! — вредничает Аделина.

— Посмотрим!

— Кто первый добежит, тот и будет в ней жить!

— Вот именно!

Колесики так ожесточенно стучат по ступенькам, что кажется, сундуки сейчас просто развалятся.

— Эй, осторожнее, — кричу вслед детям и смеюсь.

Какой там!

Тут же слышу:

— А-а-а! Так нечестно! Не толкайся! — возмущается Эделин. — Ты сильнее!

— Такова жизнь, брат! Кто сильнее, тот и прав!

О мой бог! Откуда в милой головке такие философские суждения?

Им не до меня. Как будто в деревню к бабушке приехали и спорят, кому спать на сеновале на душистом сене, а кому

на веранде под лоскутным одеялом.

Пока дети топотят по потолку у меня над головой, осматриваю комнаты первого этажа.

Помещения большие и светлые, даже не верится, что такие могут располагаться в небольшом с виду деревенском доме. Хотя, в каком-то фильме фэнтези видела эффект расширения пространства, это когда заходишь в маленький домик, а оказываешься во дворце.

Или я это себе сейчас нафантазировала? Не знаю.

На стенах приятные, однотонные, обои. В каждой комнате свой цвет. В коридоре теплый коричневый поверху, пониже деревянные панели темной расцветки. В гостиной кофе с молоком.

Мебели почти нет. Сбоку входной двери вешалка и коврик для обуви. В гостиной диван и широкий круглый стол под скатертью с кисточками по краю. Под потолком скромная люстра с плафонами-колокольчиками.

На окнах темные шторы, в тон с мебелью.

Ну что это за деревенский дом?

А где бабушкины половички, связанные крючком из нарезанных ленточек? Или какие-нибудь лоскутные одеяла? А герань на окнах?

Хотя, чего это я? Сейчас в деревенских домах такое редко встретишь. Моя сестра понятия не имеет, что такое туалет в огороде или вода из колодца, ей муж давно всю сантехнику и стиралку-автомат установил в доме. А вместо герани у

нее в большой зале стоит огромный керамический горшок с финиковой пальмой под потолок.

Присаживаюсь на диван в гостиной. Мягенько. Откидываюсь назад и с блаженством закрываю глаза. Ноги гудят, тело тянет, будто на мне ездили. Это, возможно, еще и последний порталый переход добавил мне усталости. Ничего, сейчас приду в себя и пойду изучать весь дом.

Со второго этажа доносятся громкие голоса, но в них нет агрессии. Слушаю, как спорят Аделина и Эделин, но уже без злобы, даже слышится детский смех. Вот уж воистину: вместе тесно, а врозь скучно. Но сейчас в их отношениях явное перемирие.

Я улыбаюсь, представляя, как дети уверенно занимаются распределением комнат.

Может, стоит подняться и заглянуть к ним? Но, с другой стороны, так приятно просто посидеть и насладиться спокойствием.

Наконец, после небольшой паузы, я решаюсь встать. Я направляюсь к лестнице, но вдруг останавливаюсь, чтобы заглянуть в одну из соседних комнат.

Комната, которую я открываю, выглядит уютно. Здесь стоит кровать и старый комод.

Над комодом висит картина — большая семья, в центре мужчина с младенцем на руках, рядом молодая женщина, девушка и девочка.

С трудом узнаю в девушке себя. Вернее, Ринальдину. Все

смутно похожи между собой, при взгляде на людей сразу можно понять, что это одна семья. Счастье светится в их глазах.

Только сейчас понимаю, что мы с Эделином очень похожи. Ну это не удивительно, ведь я его родная тетя.

Мне нравится эта комната. В ней тепло и уютно. Решено. Я буду жить в этой комнате!

Затаскиваю свой сундук и ставлю его у комода. Поправляю подушку на кровати. Вещи можно разобрать позже. Пойду погуляю по дому.

С мыслями о семействе, когда-то проживавшем в этом доме, выхожу в коридор. Детей уже не слышно. Представляю, как они разбирают свои вещи и раскладывают по полкам. Нужно будет позже проверить, как они обустроились.

Где-то читала, что дом — это не только стены, но и те, кто в нем живет.

По мне, строговато для дома, где растут дети, но может, так и нужно? От строгости еще никто не умер, только польза. Но и любви должно быть в достатке. Это я тоже понимаю.

Ох, ты доля моя, доля, нелегкая, но коль назвался груздем...

Задумавшись, попадаю в кухню.

— Так, так, так, — раздается в комнате голос.

Смотрю по сторонам и никого не замечаю. Комната пуста.

Глава 13

Пусто в том смысле, что нет ни души. Незаметно вытираю вспотевшие ладони о платье и сжимаю кулаки. Вдруг придется защищаться, так я в юности карате занималась, вот где может пригодиться.

“Скорее всего, это обычные галлюцинации от падения и порталных переходов”, — мысленно уговариваю себя, чувствуя необычный звон в ушах и головокружение.

Сама же стою посередине и осматриваю кухню.

Да. Пусто. Если не считать, конечно же, мебели: во всю стену буфета с посудой, рабочего стола со столешницей под мрамор, удобной боковой мойкой для посуды и плиты с прозрачной плитой.

Неужели стеклокерамика? Или стеклянная варочная панель?

Недоверчиво провожу пальцами по стеклу.

— Значит, ферму они все-таки на тебя повесили? Гнусные крохоборы. — Продолжает разглагольствовать голос.

Дергаюсь, будто меня оса укусила. Никак не пойму откуда он раздается. Кстати, в этот раз успеваю услышать, что очень красивый, певучий грудной голос. Таким только в опере арии исполнять.

Недоверчиво оглядываю кухню. Уютненько. Кругом разбросаны милые кухонные принадлежности, из окна прекрас-

ный вид в сад. А вот собеседницу снова не замечаю.

Мне начинать волноваться всерьез?

— Не туда смотришь, милочка, — снова звучит насмешливое, кажется, из угла. — Впрочем, совсем не удивлена. Эта мразотница всегда мечтала отхапать у детей все, что им полагается по праву рождения, — в голосе презрение и недовольство. — Ну и что ты теперь будешь делать с таким наследством? — тут уже звучит явное издевательство. — Еще и двое детей на руках, причем, дочь на выданье?

Фраза про “дочь на выданье” моментально приводит меня в состояние боевой готовности. Мышцы туловища напрягаются, сердце громыкает в грудной клетке, дыхание учащается.

Какое выданье? Они тут что, побесились все? Аделина еще совсем ребенок. Шестнадцать лет. Она о чем?

— Эй, ты кто? Полтергейст? Проявись! — хрипло восклицаю, глядя на источник звука — пустой стул в углу комнаты.

— Кхе, кхе, кхе, — веселится голос переливчатым колокольчиком.

— Сим-сим, откройся... Нет, не то. — Пытаюсь я нащупать правильное решение загадки. — Сивка-Бурка, вещая каурка...

Прищурившись, замечаю, что на стуле клубится туман, напоминая фигуру тучной женщины. Неужели работает?

— Попаданка что ли? — прерывают меня самым наглым образом.

— А как?..

— Да ты уже не первая в нашу курицу вселяешься. На моей памяти третья будешь, а сколько до меня... — Облако на стуле шевелится и меняет цвет, становится голубым, будто в молоко добавили капельку синего пищевого красителя. Мы когда-то с сестрой так крем для торта варили.

О мой бог! Что это было?

— Ты, кстати, из какого мира будешь? — в голосе слышится заинтересованность.

— Не знаю.

Ну, правда, кто их знает, как мой мир по их понятиям называется?

— Ну хоть как планета твоя называется, помнишь? — В молочное облако добавляются желтые оттенки.

Весело ему! Кажется, я начинаю понимать настроение странного существа.

— Планета Земля.

— Голубенькая такая? Кругл... Шарообразная?

— Ну, да...

— Это недалеко, два парсека всего, я подальше буду... видишь, как расколбасило?

— Не вижу.

— Поэтому и не видишь. А зовут тебя как?

— Рина... Ринальдина.

— А меня Дульсинея, — представляется облако. — Я из этих, странниц между мирами, только почему-то застряла

тут, никак не могу отцепиться и улетучиться отсюда.

— Дульсинея? — Теперь моя очередь веселиться.

Я совсем недавно перечитывала Сервантеса, ну кто бы сказал, что встречу здесь нечто, связанное с творчеством великого мастера, так я бы только посмеялась, а сейчас стою истуканом посреди кухни, разговариваю с облаком со знаменитым именем и смутно похожим на “домомучительницу”.

— Смешного ничего не вижу, а вот дружить предлагаю, — заявляет облако и соскальзывает со стула. Приближается ко мне. В молочной субстанции замечаю сиреневые искорки, а в голосе досаду.

Ну что ж, теперь моя очередь удивлять. Протягиваю руку ладонью кверху навстречу Дульсинее.

— Ну отчего же не задружиться? Нам теперь в одном доме жить, детей поднимать. — Выискиваю, где у нее рука и пытаюсь дотронуться. — А учитывая, что ты здесь уже давно, и по идее, должна все знать, то буду благодарна за помощь.

Ну что сказать. Коммуникабельность и покладистость всегда были моим коньком. Ну и то, что мы сразу на “ты” дает мне право вести себя подобным образом.

— Эт-то как? — Рука из тумана касается моих пальцев. Ощущаю мягкую и теплую плоть. Неожиданно. Стараюсь ничем не выдать свой страх. Дульсинея шумно дышит. — Ты меня видишь?

— Да, — киваю в ответ, — а не должна?

— А-а-а, — поет Дульсинея приятным голосом, — нако-

нец-то меня хоть кто-то видит в этом мире! Значит, я перешла на следующий уровень развития своей души... Меня заметили! — радуется она.

— Да, конечно, — говорю я, осторожно отворачивая голову, чтобы не выдать свою растерянность. — Но кто ты на самом деле? Почему ты здесь?

— Я — Дульсинея, — с удовольствием отвечает она, — странница между мирами, хранительница забытых мечтаний. Я появляюсь, когда кто-то нуждается в поддержке.

Я удивленно приподнимаю брови. Неужели такое бывает?

— В поддержке? — повторяю я, стараясь сохранить спокойствие. — А что, если у меня нет никаких мечтаний?

— Каждый человек мечтает, — настаивает она.

Я чувствую, как её рука слегка дрожит. — Может быть, ты просто забыла свои мечты? Или испугалась их?

Я смотрю на неё, и вижу как в тумане разливается травяная зелень.

Это что? Уверенность или сомнения?

Внутри что-то щемит, разрывая привычный покой.

— Возможно, — отвечаю я. Моё сердце колотится. — Я просто... не знаю, чего хочу.

— Это в порядке вещей, — говорит Дульсинея, убирая от меня свою мягкость и тепло. — Порой мы теряемся, но в этом нет ничего страшного. А у тебя есть шанс, что твои мечты станут реальностью.

Я киваю, но страх всё же не покидает меня. И вдруг в го-

лове всплывает мысль: а что, если эта встреча — всего лишь игра моего воображения? А то, что происходит со мной на самом деле, скрыто от меня?

— А если я не смогу вспомнить свои мечты? Если я их не вижу? — спрашиваю я с искренним любопытством.

— Слушай своё сердце, — мягко говорит Дульсинея. — Оно ищет путь даже там, где кажется, что его нет. Порой нужно лишь немного времени, чтобы осознать, кем ты на самом деле являешься.

Тепло, исходящее от странницы успокаивает меня.

Я задумываюсь над её словами. Может быть, отвечает мне не только она, но и я сама себе?

Слышу топот по дому. В кухню врываются Аделина и Эделин.

— Мам, а с кем ты разговаривала? — спрашивает Эделин, проскакивая сквозь облако.

Глава 14

— Ну вот так последний год и живу! — развалившееся на лохмотья облако возвращается в исходное состояние.

В голосе Дульсиinei слышится досада и обида.

Как я ее понимаю!

— А как... — хочу спросить, как она вообще попала в этот дом, и замолкаю.

Боюсь, меня не поймут дети, подумают, что со мной случилась шизофрения. Лучше подожду немного и попытаюсь объяснить детям, что в нашем доме поселилась необычная особь.

Эделин садится за стол. Крутит головой по сторонам, даже чуть присвистывает.

Так и хочется сделать замечание: Не свисти в доме, денег не будет. Но он сам замолкает и вопрошающе смотрит на меня.

— Ты разговаривала сама с собой или с тем, кто последнее время швыряет сковородки?

Бог ты мой, какой смышленный мальчик!

Даже не знаю, что ему ответить: сразу применить шок-контент или немного обождать, пока само рассосется?

Хотя само уже не рассосется, эту проблему, по имени Дульсиenea, решать придется мне. Слышу, как фыркает Дульсиenea, словно подтверждая мои мысли.

Ага, так ты не белая и не пушистая, какой хочешь казаться. Вон, сковородками швыряешься. А что еще я не знаю?

Аделина по-хозяйски проходит к шкафчику и открывает дверцу.

— Ринальдина, мы хотим есть! — Аделина достает с нижней полки пакет с... овсянкой? Не знаю на качество и вкус, но внешне очень напоминает наш геркулес.

Ну что ж, ничего удивительного, геркулес, он и в Африке геркулес, полезная еда для любых существ в любых мирах.

Мне интересно, как она будет варить кашу. Только как мне объяснить свое незнание? Это, наверное, выглядит по-детски, но я выбираю в этот момент не самое популярное решение.

— Ой, я сейчас, быстро, — не обращая внимания на удивленные взгляды детей, покидаю комнату. На ходу поясняю: — Я сейчас быстренько переоденусь и туфли поменяю.

Руками и мимикой указываю на свой неподобающий вид. Ну а что, я в этом платье сегодня где только не валялась... Ох, вспоминаю феерическое восставание из цветочной клумбы и пронизывающий взгляд незнакомца.

Только от воспоминаний мои волоски на руках начинают предательски топорщиться, а кровь приливает не туда, куда нужно.

Нет, нет, нет! Не буду об этом сейчас думать! Подумаю об этом потом.

И кого мне напоминает эта фраза? Кажется, где-то я ее

уже слышала или читала.

В своей комнате разбираю чемодан. Ну как разбираю, вываливаю все на кровать, вытаскиваю первое подходящее домашнее платье из набивного хлопка. Быстро переодеваюсь.

Нахожу легкие домашние тапочки. Очень напоминают мои, что я ношу по квартире, когда возвращаюсь домой... возвращалась... — поправляю себя мысленно.

Ну, кажется, к труду и обороне готова, можно идти знакомиться с новым миром.

Выхожу в фойе. В доме уже слышен запах овсянки, значит, я правильно поняла намерение Аделины сварить кашу. Это хорошо. Хорошо то, что она уже взрослая девочка, и умеет готовить еду. Я в ее возрасте уже могла сварить борщ и пожарить картошку на сковороде. Салаты и бутерброды вообще с десяти лет маме помогала строгать.

Возвращаюсь в кухню. Дульсинея сидит на своем “посту”: стуле в дальнем углу. Аделин, затаив дыхание, наблюдает за сестрой, вернее, за процессом, будто это какое-то волшебство. Аделина, уверенная в своих кулинарных навыках, уже вскипятила воду и теперь энергично перемешивает овсянку в кастрюле. Она, похоже, делает это уже не первый раз, заботится о младшем брате, имею ввиду, и это вызывает у меня теплое чувство.

— Ты действительно знаешь, что делаешь? — спрашиваю её с легкой иронией, подходя ближе.

— Конечно! — отвечает Аделина, не отвлекаясь на меня.

— Это легко!

Я улыбаюсь и присаживаюсь на стул, наблюдая за ней. Эделин тем временем занялся поиском чего-то в шкафу. Он тянется к верхней полке и дотягивается до банки с чем-то темным.

Варенье?

— Эделин, это что? — спрашиваю, указывая на его находку.

— Варенье! — гордо объявляет Эделин, подтверждая мою догадку. — Будет каша с вареньем!

— Супер! — поддерживаю его идею. — Обожаю овсянку с вареньем.

Ловлю на себе изумленный взгляд Аделины.

Вот балда, а вдруг здесь овсянка не овсянка? Вернее, овсянка, но не овсянка. Тьфу, запуталась. В смысле, эта крупа называется по-другому?

Нужно почаще молчать. И примечать происходящее.

В эту минуту Дульсинея снова фыркает из угла. Я мысленно задаюсь вопросом, как же я всё-таки объясню детям, что она здесь живёт, и что это не просто их воображение.

Встаю и подхожу ближе к облаку. Делаю вид, что протираю столешницу ладонью от невидимых крошек.

— Может, ты расскажешь им о себе? — шепчу Дульсинею, не в силах скрыть своё намерение. Если она будет вести себя подобающим образом, мне удастся убедить детей, что она не враг, а часть нашей необычной семьи.

— Зачем мне это? — отвечает она с притворным равнодушием. — Пусть думают, что я призрак.

— Какой же ты призрак, если швыряешь сковородки? — шутливо спрашиваю.

Дульсинея снова фыркает в ответ.

Ты смотри, ежик нашелся!

У меня нет лишних сил уговаривать ее, лучше я займусь детьми.

Тем временем Аделина снимает с плиты кастрюлю с кашей и разливает по тарелкам.

— Ура! Каша готова, — радуется Эделин и щедро накладывает ложкой варенье. Кажется, абрикосовое, но могу ошибаться.

Смотрю на мальчишку и искренне улыбаюсь. Да, этот дом полон сюрпризов, чувствую, что это еще не все, и меня ждут новые неожиданности, но я готова попробовать.

Наш перекус заканчивается быстро. Наблюдаю, как Эделин моет посуду, водит губкой сначала по внутренней стороне тарелки, потом по внешней. Моет со знанием дела. Мило.

Кто-то же его этому научил? К тому же наблюдаю четкое разграничение обязанностей. Аделина рядом, перетирает тарелки и отправляет их на полку верхнего шкафчика. На мое предложение помощи отмахиваются оба.

— У тебя своей работы хватает, — заявляет Аделина. — Тебя уже наши драконицы ждали.

Слова девочки рождают в моей голове страх. Да. Я вете-

ринар, но лечить таких животных, не зная их физиологию и патологию будет трудно.

Нужно порыскать в доме: если в нем жил хозяин драконьей фермы, то наверняка должны быть какие-то справочники по животноводству.

Фух! Ну а что, драконы же животные, хоть и пресмыкающиеся.

А еще где-то на просторах интернета читала лженаучную статью, что драконы произошли от куриц.

Надо же, чего только люди не придумают, только чтобы на них обратили внимание и наставили лайков.

Солнце стоит еще высоко, и я решаюсь предложить то, о чем думаю весь день.

— Аделина, может, прогуляемся? Вы не хотите сопроводить меня на ферму?

Замечаю удивленные переглядки детей. Что опять не так? Мне на помощь приходит Дульсинея.

— Ты не разрешала детям появляться на ферме, — белый туман окрашивается в оранжевый. Что означает сие, не знаю, но узнаю. — Если хочешь, я могу сопроводить тебя туда, мне все равно скучно, заодно и воздухом подышу.

Слышу, как призрак вздыхает.

— Ладно, проехали, сама схожу. — Поднимаюсь из-за стола. — Спасибо, было вкусно, — киваю Аделине с благодарностью.

Каша действительно оказалась ароматной и сытной. А ва-

рение похожим на персиковое.

Чувство голода больше не мучит меня, и я спокойно управляюсь за Дульсинеей.

Мы выходим на улицу, и яркие солнечные лучи сразу же ослепляют меня. Я непроизвольно закрываю глаза, привыкая к свету и жалея, что не надела шляпу, но возвращаться не хочу.

Дульсинея плывет рядом, её прозрачное тело слегка переливается на свету, создает впечатление загадочного облачка.

Мы мило болтаем, словно давние подруги. С Дульсинеей я чувствую себя довольно уютно. Она проплывает немного вперед и оборачивается.

— Ты волнуешься? — неожиданно спрашивает она.

— Есть немного, — пожимаю плечами.

— Скажи, а кем ты была там, в своем мире?

В ее голосе слышится неприкрытое любопытство.

— Я была ветеринарным врачом и лечила домашних животных.

Я не вижу смысла скрывать свое прошлое. Облако светится желтыми искрами и продолжает свой путь.

— Ой, тогда ты тем более не должна волноваться, — произносит оно, обернувшись ко мне. — Драконы не так уж страшны. Главное — понимать их.

Женская фигура плавно перетекает в новую форму, и я уже вижу перед собой невысокого дракона. Шутница, однако, наша Дульсинея. Уже наша.

— Проблема в том, что я не знаю, как за ними ухаживать и как их лечить, — признаюсь я. — Я всю жизнь работала с домашними животными своего мира, про драконов только читала в книжках со сказками для больших девочек, а тут...

— Тут, — перебила она, — нужно больше уважать драконью природу и инстинкты. Этого будет вполне достаточно, чтобы они тебя слушались и выполняли команды. А лечить, лечить ты тоже сможешь, кстати, в поселении живет лекарь, хозяин фермы всегда звал его, если нужна была лекарская помощь.

— Спасибо, учту. — Обхожу большой камень на дороге. Огромный гладкий валун мне по пояс.

Мы идем по узкой тропинке, вдоль которой располагаются фруктовые деревья. На ветках висят плоды, напоминающие по форме яблоки и груши. Жужжат насекомые. В воздухе витает сладковатый запах, и я ощущаю, как постепенно беспокойство уходит, уступая место интересу.

— А чей это сад? — указываю рукой на деревья.

— Теперь твои! — восклицает Дульсинея. — Это все угоды семьи Урбанов. Мелисса с удовольствием бы продала усадьбу соседу, мистеру Хойну, он давно уже положил свой жадный взор на эти земли, но, судя по вашему появлению с детьми, Коклес сумел защитить детей от нищеты. Но надолго ли...

В голосе призрака чувствуется огорчение.

— Что значит надолго ли?

— Сейчас сама все увидишь.

Тропинка поворачивает и выводит нас к почти заброшенному каменному зданию. Под стенами с остатками былой побелки стоит высокий бурьян. На черепичной крыше виднеются прорехи. Чернеют редкие окна, затянутые паутиной.

Это и есть драконья ферма?

В моем воображении рисовалась совершенно другая картинка. Сеть огромных высоких корпусов с соблюдением всех санитарных норм. Кажется, здесь не знакомы с требованиями Роспотребнадзора и понятия не имеют, что такое СанПин.

Минутную растерянность сменяет моя врожденная решимость. Ну что ж, никто не обещал, что будет легко.

Глава 15

Я еще не забыла, сколько пришлось приложить усилий, чтобы мою клинику заметили среди таких же. И знаю прекрасно, что витрина, это только верхушка айсберга, да, важная, но всего лишь верхушка.

А главная витрина, это качество услуги в моем случае, а что здесь?

— Дульсинея, скажи, а эта ферма приносила какой-то доход семье Урбанов? — спрашиваю я призрак.

Замечаю, как белый туман набирается синевой.

— Ну что-то приносила, что-то уносила, — уклончиво отвечает Дульсинея.

Интересное дело! Тогда для чего владеть фермой, если от нее нет прибыли, а только убытки? Для удовольствия? Дорогое удовольствие, простите.

— А как ты, вообще, узнала о ферме драконов? — продолжаю я допрос.

Да, я такая, пока не узнаю все, что мне нужно, не отступлюсь.

— Я живу здесь уже почти год, — вздыхает Дульсинея. — Когда я поняла, что не могу пересечь границу и отправиться в другой мир, стала искать себе жилье. Этот дом в то время пустовал. Я потом только узнала, что хозяин болен, и на ферме остались только работники.

В подтверждение ее слов из здания перед нами выходит молодой мужчина в простых штанах и широкой, будто с чужого плеча рубаше. Он берет тюк с травой, лежавший сбоку двери и скрывается в темном дверном проеме.

— Потом он ненадолго выздоровел и приехал с детьми. Я наблюдала, как он ухаживал за драконами, изучал их повадки. Мы жили большой дружной семьей. Это было замечательное время. Было так весело! — Синий начинает меняться на желтый через зеленый.

— Про сковородки я уже слышала, — строго останавливаю я призрак. — А что случилось с хозяином, и куда делась мама этих детей?

— Хозяин умер, а про маму я ничего не слышала. Они ее ни разу при мне не вспомнили. — Снова возвращается синий цвет, даже добавляется капелька лилового. И голос призрака становится таким мечтательным.

Забавная она, эта Дульсинея.

— Ты говоришь так, будто всё это было вчера, — замечаю я.

— В каком-то смысле, для меня это действительно так. Время не имеет значения, если ты не способен его ощущать.

Я лишь киваю, осознавая, что, возможно, призраки знают нечто большее о жизни и смерти, чем простые смертные.

Когда мы подходим к ферме, я чувствую легкое волнение. Теперь мне предстоит познакомиться с этими мифическими существами. Дульсинея наклоняет голову и, словно предска-

зывая, произносит:

— Будь осторожна. Они чувствуют страх.

Я делаю глубокий вдох, помня о её словах, и шагаю внутрь фермы, готовая столкнуться с чем угодно. Знакомый запах аммиака бьет в нос.

В темноте я не сразу замечаю, что все помещение разделено на клетки. Толстые прутья решеток отгораживают нас от фыркающих животных. Или, скорее, их от нас. Я закрываю глаза и с силой прищуриваюсь. Открыв глаза, уже вижу лучше, к тому же в оконца под потолком хоть какой-то, но пробивается свет. В клетках лежат животные. Я еще плохо их вижу, но кожа отблескивает в темноте, кажется влажной, словно на огромных лягушках. Слышу тяжелое дыхание, будто работают огромные лемеха в кузнице. А еще хлопки. Крылья?

— Госпожа, добрый день! — Передо мной появляется тот самый парень, что мы наблюдали перед сараем. — Вы пришли проведать Лею?

— А? Кого? — теряюсь я в первое мгновение, но тут же чувствую легкий толчок в спину. Призрак не дремлет. — А, да-да, как она себя чувствует?

— Уже хорошо. — Переминается с ноги на ногу работник.

Вот же растереха! Нужно было спросить его имя у Дульсинеи, пока мы шли на ферму.

Словно услышав мои мысли, призрак шепчет мне прямо в ухо:

— Яков, а его жену зовут Луиза. Они многорукие, — горячий воздух щекочет мою шею, и я ежусь из-за мурашек, побежавших по спине.

— Что значит мно... — тут же замолкаю, понимая, что этим вопросом выдам себя.

— Пройдемте госпожа, я перевел Лею в другую клетку, там ей будет удобно.

— Да-да... — Я иду следом за работником в дальний угол, где совсем темно, хоть глаза выколи.

— Ой, я лучше выйду на воздух. — За спиной покашливает Дульсинея. — Вижу, ты тут в своей стихии, справишься без меня.

Незаметно киваю ей в ответ.

И в чем же тут удобство? Так и ослепнуть можно от темноты. В голове уже зреет план по реконструкции фермы и нововведениях.

Первое, срочно провести в помещении освещение. Второе, сделать ограждение и организовать прогулочный дворик, чтобы драконы могли гулять на свежем воздухе. Без мочина они просто загнутся. Третье, проветривание и уборка сарая. Четвертое, проверить рацион, ибо правильное питание, это залог здоровья и стойкого иммунитета.

Когда мы входим в клетку, в углу загорается тусклый огонек. Небольшой кристалл сияет, освещая неровным светом все вокруг. У дальней стены лежит огромная драконица. Она тяжело вздыхает и выпускает из ноздрей струйку пара.

Не бояться! Нельзя бояться! Они чувствуют страх!

Я пытаюсь отвлекаться от дурного страха и не могу. Слишком уж необычные эти животные.

Собираю в кулак все свое мужество, вспоминаю, как много раз приходилось купировать уши и хвосты породистым собакам, и чувствую, как мое сердце наполняется теплотой и радостью. Я не знаю откуда, но знаю, что драконица скоро станет матерью. Ее ощущения материнского счастья каким-то образом передаются и мне, и я смело подхожу к ней и глажу огромное расплывшееся брюхо.

— Привет, Лея, — как можно ласковее говорю я ей, — и когда нам рожать? — поглаживаю обеими ладонями ее живот, легко толкая, вынуждая ее подвинуться, чтобы я могла увидеть и пощупать его полностью.

Замечаю на своих пальцах легкое синее свечение.

А это еще что такое? Неужели у меня просыпается какой-то необычный дар? Как в тех книжках с героинями-попаданками?

Отнимаю спешно руки и смотрю на них с непониманием.

Пальцы как пальцы, ничего необычного, кроме того, что нет моего любимого нюдового маникюра с дизайном. Обычного короткого.

Я давно не наращиваю ногти, потому что длинные, они мешают мне работать с животными, но за чистотой всегда слежу. А тут, кажется, уже заусеницы появились и грязь под ногтями.

Я разносчик антисанитарии. Нужно заняться собой срочно.

“Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей”.

Лучше, чем классик, и не придумаешь. Надеюсь, я буду хоть чем-то полезна этому миру.

Драконница медленно открывает глаза, смотрит на меня мягким задумчивым взглядом.

Да она святая, как все будущие матери миров.

В ее взгляде нет ни агрессии, ни страха, только любопытство и нежность. А еще умиротворение.

Мне это напоминает встречу с беременными в женской консультации. Я планово посещала своего гинеколога и попала в день приема беременной девушки. В соседнем кабинете чуть сбились с графика и задержали кварцевание, и я три минуты сидела рядом и вдыхала ее флюиды. Тогда я безумно захотела иметь своих детей. Настолько, что пошла в бар, познакомилась с мужчиной и завела отношения. Оказавшиеся, правда, неудачными.

Именно то чувство, испытанное в консультации сдавило мне сейчас грудь.

Даже не сомневаюсь, что это прекрасно, знать, что ты подаришь новую жизнь.

Я чувствую, как в воздухе витает легкая магия. Откуда-то я уверена, что драконница понимает мои слова, и, вероятно, даже чувствует мои эмоции, так же, как я ее.

Слышу ее милое довольное порывивание, больше похожее на курлыканье птенцов в гнезде. Снова касаюсь пальцами огромного мягкого брюха.

Да, пальцы словно мигают магическим синим светом, посылают лучи сквозь толстую шкуру и возвращаются обратно, а в моей голове появляется картинка: маленький дракончик плавает в утробе матери, толкается лапками, крутится в околоплодных водах, напоминая космонавта на орбите.

В голове щелкает открытие: Я человек-рентген или человек-узи.

Все-таки есть какая-то прелесть во всех этих магических заморочках, жаль такое не было возможным в моем мире, я бы могла стать вторым Мессингом или Вангой.

Немного придя в себя после такого потрясения, я глажу драконицу и успокаиваю:

— Все у тебя хорошо, Лея, с твоим малышом полный порядок.

Драконица тяжело вздыхает и доверчиво прикасается носом к моим ладоням. Теплый пар из ее ноздрей согревает мои пальцы.

Я кидая взгляд на ее массивные крылья, свернутые вдоль тела. Они выглядят как величественные паруса, не готовые к полету. Глядя на ее беременное тело, я понимаю, что моя забота о ней важна, и это не только физическое прикосновение, но и возникшая энергетическая связь.

— Ты должна быть готова, Лея, — говорю я, ощущая, как

в груди поднимается тепло. — Я помогу тебе и твоему малышу. Мы вместе переживем это.

Она кивает, и я чувствую, как ее дыхание становится ровнее.

Я понимаю, что могу помогать этим животным так же, как я это делала раньше.

Лея расслабляется, и я вижу, как в ее глазах появляется свет.

— М-р-р-р. — Она нежно мурлычет, словно рассказывает мне о том, что ее беспокоит.

— М-р-р-р. — Это мурчание погружает меня в мир, где драконы не только жестокие хищники, но и любящие матери, способные на невероятную нежность.

— М-р-р-р. — Я понимаю, что она хочет мне сказать: ей нужен покой.

Глава 16

Я, пятясь, покидаю клетку с драконицей и неуклюже натываюсь спиной на работника.

— Ой, сорри, — пытаюсь удержаться на ногах.

Он придерживает меня.

О боги, увлекшись осмотром драконицы, я совсем забыла про него.

— Яков, вы не могли бы пройтись со мной по... — машу в воздухе рукой, давая себе возможность подобрать нужное слово: ферма, сарай, драконюшня? Наконец, выбираю: — сараю?

— Да, госпожа, конечно, я провожу вас.

Мы идем мимо клеток со зверюгами. Ну как их еще называть? Все как на подбор черные, с блестящими шкурами и искрящимися глазами. Все вокруг пыхтит, рычит и урчит, напоминая начало извержения вулкана. Я волнуюсь, честно. Иду медленно, словно протаптываю тропу в неизвестных землях. Впрочем, это так и есть, чего уж там.

Я насчитываю в отдельных загонах еще шесть самок.

Ну что ж, неплохо для начала, но я желаю увидеть все репродуктивное стадо, особенно мне хочется увидеть жеребца, то есть дракона-осеменителя.

Мои желания вознаграждаются. Мы входим в небольшое помещение, в котором находится низкорослик-дракон с бе-

лой шкурой.

Это и есть репродуктивная особь? Хиляк! Конек-горбун какой-то, честное слово.

Да он во время случки после двух фрикций упадет и издохнет.

Может, я несправедлива к нему? И нужно просто пригладиться получше? Может он именно сейчас не в лучшей форме?

Смотрю на белоснежную кожу дракона-осеменителя: красив, очень красив. Но я прекрасно понимаю, что внешность не всегда определяет силу и, что потенциал у этой особи может быть низким.

Я вспоминаю двух прекрасных черных драконов. Их образ не покидает меня.

Вот это жеребцы! То есть, драконы! Вот с ними бы скрестить этих милых дракониц, уверена, у них было бы прекрасное потомство.

Да и хозяин у них ничего такой, высокородный.

При воспоминании о нем мое сердце начинает биться сильнее. Чувствую приятное тепло в низу живота от одних только мыслей о том мужчине. Можно даже не проверять, я там мокрая.

“Рина, а сколько у тебя не было мужика”? — выплывает отвратительно провокационная мысль.

Начинаю считать. Получается, что давно. А такого, как хозяин тех драконов, вообще, никогда.

— Кхм, — прочищаю горло, глядя на “дракончика”, так я его окрестила, — а какие у него есть способности? Он действительно репродуктивная особь?

Работник немного смущается под моим взглядом, однако быстро отвечает:

— Да, госпожа. Он прошёл все необходимые испытания. У него хорошая кровь... просто... он немного мал...

— Это не проблема, — шучу в ответ, — маленькие драконы тоже могут быть эффективными, верно?

Ага. Мал золотник, да дорог.

Так, кажется, говорят в моем мире в таких случаях?

— В некоторых случаях, да... — пожимает плечами Яков. Но мне думается, он не понял, о чем я ему говорю.

— Здравствуйте, госпожа. — В клетку входит молодая женщина.

Длинные волосы распущены, подол светлого платья волочится по каменному полу. Она, не обращая внимания на нас, стремительно проходит к дракончику и гладит его по шее, голове и спине. Касается маленьких крылышек, их почти не видно на белоснежной спине, потому что они прозрачные, будто сделаны из тончайшей органзы.

— Рики, мой мальчик, как твои дела? — ласково разговаривает она с ним. — Ты скучал? Я точно.

Она не стесняется нас с Яковом и дарит дракончику нежность и ласку.

Слышу довольное мурчание животного в ответ. Он пода-

ется навстречу женщине и позволяет гладить себя во всех местах, от удовольствия даже закрывает глаза. Ты смотри, какой сластолюбец!

Да у них полное взаимопонимание. И теперь я знаю его кличку. Рики, ага, так и хочется добавить фамилию одной звезды поп-музыки.

О боги, как он может быть драконом-производителем? Ума не приложу. Но что ласковый, это точно. Значит, берет не силой и мощью, а чем? Лаской, правильно.

Иногда любовью и добротой можно быстрее получить желаемое, чем агрессией и напором.

Снова перед мысленным взором два черных красавца. Если будет возможность, нужно будет все-таки уговорить их хозяина дать нам попользоваться генетическим фондом драконов...

— Луиза, что ты здесь делаешь? — тихо спрашивает Яков.

Я уже догадалась, что это его жена. Она в положении, срок еще небольшой, живот почти не виден, но я откуда-то понимаю, что она беременна.

В сердце рождается нежность к этой женщине.

Смотрю, как она гладит дракончика. Прямо зоотерапия в действии. Ну или драконотерапия, кому, как нравится.

Замечаю, как на кончиках ее пальцев появляется легкое зеленое свечение. А еще мне показалось, что, когда Луиза гладила Рики, у нее появились еще руки. Я даже встряхнула головой, чтобы избавиться от галлюцинации. Кажется, по-

могло.

Неужели Луиза обладает такими же магическими способностями что и я?

Хотя, у меня светилося синим, значит, в наших способностях есть различие. Возможно, поэтому ферма еще существует? Потому что раз мир магический, значит, должна быть магическая защита. Пока что я такие способности вижу только у себя. Ну Дульсинея должна бы тоже обладать особыми качествами. И нужно обязательно присмотреться к детям, не может быть, чтобы им ничего не досталось по крови. Наследственность, ее не пропнешь, и, если в роду займется какая-то особая хромосома, то она обязательно в ком-то выстрелит. А дети, по сути, родственники этому телу.

Только бы не начать сейчас решать задачи по генетике. Я такая, я могу. Успеваю одернуть себя.

Нужно будет найти время и поговорить с Луизой на эту тему.

— Яков, пройдемте еще по ферме. Мы, кажется, не все посмотрели, — обращаюсь к работнику. — Рики в надежных руках.

Первая направляюсь на выход. По каменному полу следом топают деревянные подошвы.

Мы обходим все помещение. Ну что сказать? Несмотря на плачевное состояние снаружи, внутри ферма выглядит неплохо, но учитывая мою врачебную вредность и любовь к чистоте, делаю себе заметки, пока, к сожалению, только в

памяти.

В клинике я всегда носила с собой планшет, в котором все важные и не очень задачи я расписывала в специальную таблицу.

Вообще, классификации были моим коньком. Я умела расставлять приоритеты при распределении своих сил. Вот сейчас я видела две первостепенные задачи именно для фермы: сделать ограждение вокруг территории фермы, чтобы мои драконам можно было гулять. И не менее важную: обеспечить дезинфекцию фермы, начиная с карантинной зоны на входе. Я не знаю, какие тут у них водятся вирусы и как они могут навредить животным, но береженого бог бережет.

— Яков, скажите, когда на ферме последний раз был местный лекарь?

Скажу честно, мне покоя не дает эта тема.

— Так вы с ним поссорились намеренно, и вы, госпожа, называли его шарлатаном и приказали больше здесь не появляться.

О боги! И когда ж я успела перессориться в этом мире со всеми? А еще пожить не успела.

Глава 17

Наблюдаю, как по двору туда-сюда барражирует белое тучное облако.

Дульсинея! Ну кто еще так может посреди жаркого дня изображать туман? Настоящий бы давно уже испарился, а этот еще и нервничает. Красные искры прорываются сквозь белую пелену.

Как я ее понимаю! Ждать и догонять и для меня тоже последнее дело.

Ищу глазами, где присесть. Жутко хочется уже примостить свою пятую точку, ноги гудят, просто мочи нет.

Оглядываюсь по сторонам. В углу лежит толстое бревно. Сверху набита доска.

Чем не лавка? Иду и присаживаюсь.

Какой кайф! Протягиваю вперед ноги.

— Ну как тебе ферма? — Рядом тут же пристраивается Дульсинея. — Дракончики имеют шансы стать рентабельными?

— И откуда ты слова такие знаешь, — морщусь, словно от зубной боли и щурюсь от солнца.

Да, солнечные очки сейчас были бы в тему. Мои остались в машине.

Смотрю на Якова: он задержался и сейчас вышел из здания, ищет меня взглядом.

Он как-то странно взмахивает руками, и мне снова кажется, что у него несколько рук. Не хочется сравнивать его с чужим божеством, но картинку с мужиком, у которого несколько рук, я когда-то у Леонардо да Винчи видела. Там что-то про золотое сечение, кажется, было. Вот и тут нечто такое. Пока Яков приближается, Дульсинея пыхтит, но с места не уходит до последнего.

— Так я из это... В разных мирах успела побывать, ну, наверное, где-то слово для своего активного словаря прихватила... А что не так?

Ее слова остаются без ответа. Напротив меня останавливается Яков, и я замолкаю, потому что если я сейчас начну с ней разговаривать, мой работник решит, что я сумасшедшая. А терять авторитет у подчиненных плохая примета.

— Яков, — обращаюсь я к нему, — нужно бы забор поставить, чтобы на территорию фермы не могли проникать посторонние. Это возможно?

— Без проблем.

— А еще побелить помещения известью, такое возможно?

Вряд ли я обнаружу в этих краях обеззараживающие препараты. Да даже простую хлорку вряд ли найду. Но попытаться стоит, и я завтра же пойду искать лавку местного лекаря и налаживать отношения.

Хотя, конечно, посмотрю, может, права была Ринальдина, и он настоящий шарлатан.

— И побелить можно, Луиза выполнит эту работу.

— Ну вот и хорошо, на первую неделю работа есть, а остальное по мере необходимости поправим.

— Ох, ты ж, красота какая! — восклицает Дульсинея, и я смотрю сначала на нее, а потом на белесую руку, указывающую в небо.

— Ох, ты ж, красавцы какие! — не сдерживаюсь, взглянув туда же.

Сердце начинает колотиться сильнее обычного, в ушах стучит пульс. Нижняя чакра начинает вибрировать. Это еще что такое?

По небу, распластав крылья на пол неба, летят два огромных черных дракона, а на их спинах два наездника. Но, по моему, их всадники развлекаются, так вольготно они сидят, машут друг другу, что-то рассказывают. Или даже поют?

— Ох, ты ж беда какая, снова эти распутники в наших краях появились, теперь жди беды. А нашим бабам радость, — присоединяется к нашему восторгу Яков по-своему.

Со всеми этими событиями забыла спросить о главном. Но и напрямую спрашивать никак нельзя. Боюсь себя выдать. Тщательно подбирая слова, обращаюсь к работнику:

— Яков, скажи, пожалуйста, воды животным хватает?

Он смотрит на меня где-то секунд пять, вижу, как он морщится, а взгляд мечется от меня куда-то за мою спину. В голове работника явно происходит мозговой шторм. Наконец он отмирает.

— Пока хватает, но если не поменять кристалл, то воду

придется носить вручную из дальнего колодца.

То, что у них тут все на этих магических кристаллах держится, я уже поняла. Только где их брать? Кажется, у Аделины должна быть шкатулка с отцовскими кристаллами, нужно будет спросить девчонку, пусть отдает на нужды хозяйства.

Яков обеспокоенно смотрит за мою спину, я поворачиваюсь и смотрю туда же. В углу небольшая кладка из серого бута в форме кольца. Так, понятно, это и есть колодец.

— А с кормами что?

— В достатке. И на холодные времена уже есть небольшой запас. Но я еще кошу траву и зерновые обещают неплохой урожай в этом году.

Ага, еще одна особенность мною усвоена: драконицы травоядные. С души камень. А то я уже подумывала, где им брать мясо. Хотя, можно будет продумать какой-то комбинированный корм.

О боги, это напоминает мне утреннюю планерку, где мои коллеги отчитываются о проделанной работе и намечают планы на будущее. А вот про болезни нужно искать информацию. Срочно нужно узнавать, чем болеют драконы и как их лечить.

Я чувствую, как внутри меня поднимается тревога. Здесь, в этом загадочном месте, существует множество тонкостей, о которых мне необходимо узнать.

— Яков, — продолжаю я осторожно, стараясь не задать слишком много вопросов сразу. — А как насчет заболева-

ний? Все ли животные здоровы? Ты не слышал, чтобы кто-то болел чем-то опасным?

Я смотрю на двери. Нужно срочно делать обеззараживающий коврик на входе. Только чем обеззараживать, еще не знаю.

Взгляд Якова становится более напряженным. Я заметила, как он морщится, когда начинает что-то вспоминать.

— Бывало, что драконы страдали от недуга, который называли "зеленая чума". Это когда кожа бледнеет и становится прозрачной и приобретает зеленый цвет. Драконицы теряют магическую силу. Без лечения это может привести к серьезным последствиям. Но такое случается редко. На моей памяти было пару раз, но мы быстро справились с хворью.

Я киваю, записывая эту информацию в своей голове. "Зеленая чума" — название, которое звучит угрожающе. Надо будет разобраться с симптомами и способами лечения.

— А кто здесь еще лечит животных? — спрашиваю осторожно.

Яков косится на меня, но отвечает:

— Моя Луиза иногда помогает животным, если лекарь занят, но после того, как вы его прогнали с фермы, он занят всегда, — отвечает Яков. — Моя жена опытный целитель и хорошо знает о болезнях всех наших драконов.

Верю Якову: пальцы Луизы светились не хуже моих.

А это значит, что нам нужно будет с ней подружиться. Луиза может помочь мне узнать больше о драконах, и я смогу

выяснить, как лечить их.

— Да, конечно, я заметила, — отвечаю и кручу перед собой пальцами, намекая Якову, что заметила эту особенность его жены.

А еще я осознаю, что мне нужно строить доверительные отношения с этими людьми и тогда смогу выжить в незнакомом мне мире.

Кстати, а как он называется? Где делась Дульсинея?

Дульсинея находится быстро. Пока мы беседуем с Яковым, призрак успевает облететь всю территорию фермы и по пути домой кружится вокруг меня и зудит, как надоедливая муха:

— Нужно чередовать физический труд и умственный, а еще отдыхать. Скажи, как ты обычно отдыхаешь?

Ну ты смотри какая любопытная! Так я тебе и призналась! В моем шкафчике есть один скелетик, который я никому не расскажу. Никому и никогда.

— Ну, по-разному, — не спешу я раскрывать свои секреты.

— А все же?

— Ну, могу книжку почитать перед сном.

— Это не отдых. — Отмахивается она. Ее рука проходит в миллиметре от моей, чувствую легкий ожог.

— Эй, потише, горячо, — отдергиваю руку.

— Я случайно, — фыркает призрак. И никакого тебе извините. — А все же?

— Могу отправиться в путешествие по стране.

— Угу, оно и заметно, путешественница ты наша.

— Ну... — Я задумалась, стоит или нет? Ну подумаешь, расскажу. Решаюсь. — Я танцевать люблю. Когда танцую, набираюсь энергии, словно заново рождаюсь.

— Сказала бы я тебе от чего нужно заряжаться, да ты меня не поймешь, — ворчит она.

— Ну почему же не знаю, очень даже знаю.

— О, правда? И что же это такое? — интересуется она, закатывая глаза. — Шопинг в торговом центре или сон в партере на скучном спектакле?

— Откуда такие познания? — удивляюсь. — Не совсем так, — улыбаюсь я. — Я имею в виду, что танец — это способ выразить свои чувства, выплеснуть накопленные эмоции. А когда выбрасываешь из себя старое, то приходит новое.

Дульсиней весело вертится вокруг меня и вдруг останавливается, облакачиваясь на невидимую стену.

— Хм, может, ты и права. У меня тоже есть свои способы. Например, долго смотреть на облака или слушать, как ветер шепчется с листьями деревьев.

— Ну да, это тоже отдых, — соглашаюсь я, — каждый находит свое.

— Так почему бы нам не пойти и не потанцевать? Я пригласила бы тебя в одно интересное местечко, но, — она подмигивает, — боюсь, что ты откажешься.

— Почему?

— Ну... — мнется Дульсинея. — Там собирается такое общество, боюсь, тебе может не понравиться.

— Может, стоит попробовать? — предлагаю я с улыбкой.
— Не попробуешь, не узнаешь. А танец в любом месте всего лишь танец.

Рядом раздается легкий смех Дульсинеи.

— Ну не скажи! Ладно, дай подумаю!

Остальной путь мы идем молча. Каждая думает о своем. Я, например, вдруг понимаю, что действительно хочу повеселиться. Мы бывали в ресторане и ночном клубе с подружками. Но это было так давно. Пора бы повторить.

— Хорошо, уговорила, — сварливо замечает Дульсинея, — вечером идем веселиться. Мы это заслужили. И вообще, нужно уметь находить время и для себя.

Белый окрашивается в нежный персиковый.

Глава 18

Подходящее для танцев платье нахожу в гардеробе быстро. Если честно, я его присмотрела еще когда складывала “свои” вещи в сундук в городском доме.

Красное с блестящими вставками, по мне, так длинноватое, но нужной длины в этом мире и даже чуть распутное, потому что не волочится по полу, а полностью открывает щиколотки.

Ну погодите, это вы еще не видели меня в брюках!

А по такой жаре я и бриджи себе позволю, а может даже и шорты.

Я вспоминаю свои джинсовые коротыши, которые очень любила надевать на даче. Я купила их год назад, когда мы ездили отдыхать с немилым на море. В них я не сильно отличалась от толпы отдыхающих. Моя попа сердечком сводила с ума не только моего бывшего, потому что я ловила на себе взгляды других мужчин. Хотя, не так уж и сводила, раз ему захотелось особых ласк на стороне. Но от этих мыслей у меня даже сердце не екнуло. Плевать.

Кручусь перед зеркалом. Юбка покроя солнышком волнами обволакивает ноги, блестящие вставки пускают искры-зайчики по комнате.

Шикарное платье! Аж пищу от удовольствия.

Довольный хмык Дульсинеи тому подтверждение.

— Прекрасное платье, — кидает Дульсинея скромный комплимент и ехидно добавляет: — Сегодня все мужики твои, не обьешься, гляди.

— Ой, ты чего? — чувствую, как горят щеки, а дыхание учащается. — Я иду танцевать, а не мужиков снимать.

Ну кому я вру? Так уж устроена женская натура, обязательно нужно нравиться мужчинам, нам жизненно необходимо их восхищение и поклонение, отсюда любовь к красивым нарядам и украшениям.

Кстати! Украшения!

Все мои бижутерия, естественно, остались в моей квартире. И сюда я явилась, конечно, не в чем мать родила, но на себе, кроме одежды, конечно, обнаружила только серьги из непонятого сплава. Крупные, но легкие. И красивые.

— Одно другому не помеха, — заявляет Дульсинея и рожает.

— А... Что? — задумавшись, я теряю нить нашего разговора.

— Говорю, можно одновременно и танцевать и мужиков соблазнять. Вот я в твои годы...

В голосе Дульсины слышатся мечтательные нотки.

— Скажешь тоже, — прерываю ее, а то, чувствую, мы сейчас с ней договоримся.

— Скажу, да, — не сдается призрак, — и, знаешь, что, голубушка, я, наверное, пойду и прогуляюсь с тобой, заодно и присмотрю...

Ну от компании невидимого для других людей призрака грех отказываться. Это как история с некрасивой подругой, только еще круче. Она вроде есть, а ее нет. Ну классно же!

Я, кажется, помолодела до биологического возраста моего тела. Вот и верь людям, что ты есть душа, а тело всего лишь твой помощник. У нас с моим теперешним телом все получается наоборот. от молодого тела и душа стала юной.

Пока я привожу в порядок прическу, вернее, расчесываю волосы и придаю распущенной копне красивую форму, Дульсинея отправляется посмотреть, что делают дети.

— Ну, как они? — испытываю чувство стыда: я не пошла в спальни и не поцеловала перед сном Эделина и Аделину.

Но ведь после ужина чмокнула обоих в щеки и пожелала чудесных снов.

Что еще нужно? Колыбельную спеть? Я знаю парочку, помню из своего детства, да и племянникам пела пару раз, когда сестра была занята, но думаю, что этим детям мое баюбай уже не нужно.

— Спят? — спрашиваю вернувшуюся из разведки Дульсинею.

— Не-а, — дрожит в дверях белое облако с сиреневым оттенком.

— Аделин складывает картинки из пазлов. Вот уж любитель-мозгоправ. Аделина копается в шкатулке, отцовские кристаллы перебирает.

— Я ж хотела... — стремительно иду к двери и торможу,

взглянув в зеркало.

Ну и куда ты такая расфуфыренная собралась? К детям? Ночью? И что им скажешь? Это я так собралась с женихом встречаться во сне на новом месте? Ну типа, на новом месте приснишь жених невесте?

— Может, не пойдем? — стою в дверях и наблюдаю, как на сиреновом появляются крупные фиолетовые пятна.

Осерчала, домоправительница, ага.

— С чего это?

— А дети?

— Луиза и Яков присмотрят, они уже вернулись в свои апартаменты, — безоговорочно заявляет Дутьсиня. — Но я и так тебе скажу: в поселении тишь и благодать. Хоть замок не вешай на дверь, и уходи, никто не зайдет в чужое жилище... потому что оно под магической защитой хозяина. — хохочет Дутьсиня. Шутница, блин. — Готова? — окидывает меня с головы до ног, довольно хмыкает. — Хороша чертовка!

Надеюсь, незаметно выскальзываем на улицу, идем мимо очень похожих на наш домов. В окнах горит свет, слышны голоса хозяев. Селение еще не спит. Замечаю впереди парочку: девушку и парня. По нарядной одежде догадываюсь, что мы с ними идем в одном направлении.

Мой взгляд невольно притягивает огромный дом, стоящий чуть в стороне от дороги. Не пойму, что не так, потому что сердце начинает стучать громко, бьется где-то под под-

бородком, отдаваясь пульсацией в ушах.

А-а-а! Понятно. Все дома утопают в цветах, а этот выглядит мрачно и казенно: ни цветочка, ни украшения, очень строгая манера. Но свет в доме горит, и слышен громкий мужской смех.

Интересно, кто в нем живет?

— Скажи, Дульсинея, а какой тебе профит от нашего похода? — проходим дальше и я наконец могу отдышаться и задать вопрос.

— Ты не согласишься, но я тоже люблю танцевать.

— Ну почему же не поверю? Очень даже поверю. Мне кажется, нет такой девушки, которая не хотела бы потанцевать. Это точно не смею не согласиться. дети?

Уже в сумерках мы подошли к дому, похожему на наш. Только окна широкие и стеклянные.

— Ты, главное, ничему не удивляйся. И знаешь что?

— Что?

— А давай я на тебя иллюзию накинута.

— Зачем?

— Ну, все-таки ты уважаемая леди, воспитываешь двоих несовершеннолетних детей, вдруг что-то пойдет не так... думаю, репутацию не стоит портить.

— Да что ты такое говоришь? — возмущаюсь я.

— Поверь, так будет лучше, если тебя никто не узнает. Кстати, платье я портить иллюзией не стану, можешь не волноваться.

— Ну если ты так считаешь, тогда ладно, — соглашаюсь я.

Чувствую, как на мои волосы и плечи опускается легкая сетка, словно рыболовная из самой тонкой нити. Но это ощущение тут же пропадает.

И что? Снова искать зеркало, чтобы посмотреть на себя любимую? О-хо-хо.

Мы входим в дом. В дверях сталкиваемся с еще одной парочкой: парнем и молодой девушкой. Кажется, парень ведет ее на улицу с непонятной целью, потому что девушка глупо хихикает.

— Ты куда меня привела? — шиплю на Дульсинею, когда замечаю еще одну парочку, целующуюся в проходе.

— Куда надо, — парирует призрак. Цвет не могу рассмотреть, потому что темновато, не смотря на бегающие по огромному помещению световые блики. Очень напоминает работу стробоскопа, но не оно. Игрет негромкая музыка.

В комнате полно народа, все отдыхают, общаются, танцуют. Очень даже напоминает наш ночной клуб, только нигде не видно полуголых девиц и неадекватных молодых людей, и это радует.

— Ну что, начинаем веселиться? — Мы останавливаемся у столика с напитками разного цвета. — Начнем с желтого, — командует Дульсинея.

— Вкусно, — киваю согласно. — Очень напоминает апельсиновый сок.

Но что странно, пью и понимаю, что это не алкоголь, а мне

становится весело.

— Что это? — спрашиваю у Дульсинеи.

— Обычный нектар, от него всегда настроение поднимается, — успокаивает меня призрак. — Ну что? Иди танцуй?

— Иду.

Музыка становится громче, или это у меня так слышится в голове? Чувствую, как меня тянет в толпу разгоряченных танцующих, ловлю ритм и начинаю двигаться. Первая мелодия, вторая, третья... Теряю счет...

Как же хорошо!

Я чувствую горячий поток воздуха в спину. А потом потом меня обхватывают крепкие мужские руки.

— Меня ждала, красотка? — теплое дыхание в затылке поднимает волосы по всему телу. — Тебе не кажется, что здесь слишком душно? На свежий воздух не желаешь? — завораживающе шепчет знакомый голос.

Желаю! Очень желаю!

Сильные пальцы захватывают мои и тянут меня к выходу. Мужчина тараном прет сквозь толпу, пробивая нам дорогу к двери.

Я топаю следом, словно обреченный на расправу, даже пикнуть не смею.

— Эй, Крис, ты куда? — слышу за нашими спинами окрик, когда мы уже покидаем помещение.

— Леди стало плохо, не видишь? — оборачивается этот демон и дарит мне горячий взгляд черных глаз. — Не ждите!

— добавляет уверенно и вытаскивает меня на улицу.

Он не узнал меня! О боги! Дульсинея, я тебя люблю!

Глава 19

Свежий воздух слегка остужает мое разгоряченное лицо, но от сплетения наших рук постоянно идет волна жара. Я уже жалею, что дала свое согласие на ночную прогулку знакомому незнакомцу. Вернее, я-то знаю с кем вышла, а я для него, видимо, по-прежнему, незнакомка. Он притягивает меня к своему телу, его жар сплетается с моим, и я уже жалею, что согласилась выйти из помещения. Замечаю, как мужчина шумно дышит носом и все старается понюхать мои волосы.

Это еще что? Токсикоман что ли? Или все-таки узнал?

Сердце заполошно бьется в груди,

Словно прочитав мои мысли, он чихает и отстраняется.

Вот то-то же! А то сейчас аллергия как начнется, а я все же айболит, а не терапевт. Но тоже могу полечить.

Я стараюсь собраться с мыслями, но всё происходящее вокруг кружит меня, как вихрь. Музыка доносится все тише и кажется, удаляется от нас, или мы от нее, её ритм смешивается с биением моего сердца. Я вышла, кажется, подышать, но моим легким не хватает воздуха. Раскрываю рот, будто рыба на берегу, и не могу вдохнуть. Ах, Рина, Рина, млеешь при виде красивого мужика, словно малолетка!

— Куда вы меня... Я хотела просто потанцевать, зачем вы меня украли? — Даже самой смешно слышать свой мышинный писк. По его губам скользит понимающая улыбка.

Ах, так он еще и потешается надо мной?
В душе под

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.